

ОХОТА НА БИЗОНОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Полгода назад мне предложили экранизировать «Утиную охоту» Александра Вампилова, сделав ее на современном материале. Я начал думать, перечитывать пьесу, посмотрел спектакль в МХТ... И понял, что этот материал не «ложится» под мою руку. Если очистить «Охоту» от советских реалий, то остается один адюльтер и тоска не симпатичного мне героя.

Я предложил свою версию: берем Зилова как маску и помещаем его в совсем другую историю. Продюсеров этот замысел не вдохновил. Сценарий по «Охоте» написал Александр Родионов, а Александр Прошкин уже снял этот фильм¹, надеюсь, что удачно.

Я же, зная о ситуации, все-таки осмелился написать свой сценарий. В нем нет ничего от «Утиной охоты», но есть ее герой в виде знака, уже разработанный и в географе, который глобус пропил (параллели налицо), и в новой картине Александра Прошкина. Думаю, что это естественный путь для формирования нового сюжета, тем более что измены, женитьбы и выяснения отношений мне ни у Вампилова, ни в реальной жизни неинтересны.

Естественно, что сценарий получился никому не нужный и не понятный современному российскому кинопроизводству. На этом мы и разойдемся. Я пойду в свою сторону, а кинопроизводство – в свою.

Желаю читателям «Искусства кино» всего доброго.

Ю.Арабов

Специальный автомат разливал желтую жидкость из гигантской емкости в маленькие бутылки с этикеткой «Вымпел. Пиво светлое, душистое».

Алекс Пролежнев, двадцати восьми лет, подставил под автомат кружку с надписью «Вымпел». Будем здоровы!»

и налил пиво на самое доньшко. Отпил, пробуя на вкус. Скривился и не смог скрыть отвращения. То, что оставалось в кружке, он вылил в горшок с фикусом, который зеленел, а точнее, желтел на подоконнике пластикового окна.

Показал мастеру большой палец, что значило – пиво отличное! На уровне немецких стандартов. Сняв с себя белый халат и повесив его на вешалку, вышел из цеха.

Под халатом оказался дорогой итальянский костюм. Алекс шел по коридору офиса, мягко ступая синими мокасинами на синтетический ковер. За стеклянными стенами, словно в аквариуме, сидели работники офиса продаж, сосредоточенно глядя на экраны компьютеров.

Алекс заглянул в один из аквариумов. Девушка в наушниках играла в компьютерную игру. На экране мускулистый герой стрелял из автомата в оживших мертвецов-зомби. Алекс стащил с девушки наушники.

А л е к с . Последнюю партию – в Калугу. В Москве не пройдет.

Д е в у ш к а . Поняла.

Ударила по клавишам, и на экране возник ряд цифр, на этот раз коммерческого характера.

А л е к с . От тебя пахнет потом.

Д е в у ш к а (обидевшись). Это парфюм такой!..

Алекс кивнул. Довольный короткой перепалкой вышел из-за стеклянной стенки на территорию синтетического ковра.

А л е к с (себе под нос). Парфюм... Изюм... Арзрум... Кант, Гегель, Юм...

Р а б о т н и к о ф и с а . Перекур?..

А л е к с . Физзарядка. Прыжки и гримасы.

Синие мокасины привели его в раздевалку.

Он открыл персональным ключом свой персональный железный шкаф.

Снял с себя итальянский костюм, бережно и аккуратно повесил его на плечики, разглаживая неровности ткани. Забрал с других плечиков кожаную косуху в железных клепках. Натянул потертые джинсы Levis, майку с красной звездой и изображением Че Гевары. Повязал на голову палестинский платок в мелкую крапинку. Сменил мокасины на сапоги.

Вышел из раздевалки преображенный и неузнаваемый.

У бетонной стены стоял черно-серебристый мотоцикл «Харлей Дэвидсон». Кожаный Пролежнев щелкнул ключом с секреткой. У байка автоматически заперхал мощный двигатель.

Машина затряслась в ожидании рывка. Алекс сел на кожаное сиденье. Форсировал мотор так, что его грохот услышал бы и мертвый. Врубил аудиосистему с тяжелым роком.

Подъехал к заводскому шлагбауму, который мгновенно открылся перед ним. На черной спине Алекса белела надпись: «Dead to ride. Ride to dead».

Грохоча музыкой и мотором, он ввинтился, как штопор, в городской трафик.

На проспекте была пробка. Владельцы «БМВ» и «Аудио» провожали тоскливыми взглядами чувака в прикольной куртке. А чувак, как на байдарке, петляя и заваливаясь набок, преодолевал на «Харлее» пороги московских каменных рек. Жизнь у водителей дорогих машин проходила даром. Потому что надо было думать, прежде чем выбрасывать три лимона на бесполезную тачку. А вот мотоцикл – это другое дело... На нем умирают, чтобы ездить, и ездят, чтобы умирать...

...областное шоссе было о двух полосах, одна – туда, а вторая – обратно... Колеса «Харлея» скакали на выбоинах асфальта. Но это было в кайф. Обгоняя тяжелые фуры по встречной полосе, Алекс несся навстречу собственной судьбе. Кругом угасало вялое подмосковное лето. На западе уходящее солнце пряталось за легкой тучкой. На востоке уже зажглась яркая Венера.

Он подъехал к узенькой речке, через которую обычно «прыгал», избавляя стресс трудового дня... Но там гуляли шашлычники. Стояло несколько «Фордов» с раскрытыми дверями, из которых несся электронный ритм дешевой музыки. У самой реки компания разомлевших горожан жарила на железной решетке мясо.

Алекс. Shit!..

План «прыжков» был сорван. Заниматься акробатикой на глазах досужей публики... это не входило в планы Пролежнева.

Поэтому он нажал на газ и начал искать другое подходящее место для своих опытов.

...справа от мотоцикла мелькнула табличка «р. Малая Хронка».

Это название показалось манящим. Алекс увидел старый мост. А точнее, мосток с выбоинами и впадинами. Под ним и текла речка, напоминавшая скорее большой ручей. На другом берегу чернели избы, на которые напознал поселок богачей.

Навстречу шел дачник с тележкой, груженной мусором – битое стекло, остатки ржавого железа... там было все, включая кинескоп от телевизора.

Алекс. Это какой поселок, отец?

Дачник. Хронки...

Он произнес это имя с ударением на последнем слог.

Алекс. Хронки... Сейчас мы положим эти Хронки на лопатки!

Дачник не ответил. Он подвез свою тележку к оврагу и опорожнил от мусора.

Пролежнев поддал газку. Байк завыл, заерзал... Освобожденный от тормоза, «Харлей» на дикой скорости перелетел через мост. Алекс расслышал, как под колесами треснуло старое дерево. Одно мгновение... и ездок очутился на другой стороне речки. Испуганная коза подняла на него свои бездонные очи кинозвезды и вопросительно заблеяла. Отвязавшись от деревянного колышка, побежала по направлению к черным домам.

Пролежнев развернулся и снова влетел на шаткий мост. Секунда грохота и треска... И Алекс уже стоял на противоположной стороне, упиваясь

своей дикостью. Дачник, оглянувшись, побежал со своей пустой тележкой обратно в деревню.

Поначалу Пролежнев решил добить старый мост. Эта деревянная развалюха тихо молила о своей смерти. Еще прокатись по ней пару раз, и от моста ничего не останется. Но этого Алексу показалось мало. В голове его созрел план – перелететь через речку без всякого моста, а на одной только скорости. Дерзко и смело, как делал когда-то его друг Череп, пока не отошел в мир иной...

Алекс отъехал от берега метров на сто... Выжал газ и, пригнувшись к рулю, понесся навстречу неизвестности.

Колеса его чиркнули о суглинок берега. «Харлей», как панночка из «Вия», полетел по темному воздуху наступающей ночи. И благополучно опустился на противоположный берег речушки...

Точнее, опустился бы, если б хватило скорости. Но подходящей скорости не нашлось. И Пролежнев вылетел из седла, как из катапульты. Мотоцикл рухнул в мелководье. Следом за ним пошел и Алекс, больно ударившись головой о пологий берег, потом – спиной о дно.

Мир перед ним погас, как экран компьютера. Наступила тьма небытия...

...в воздухе кружилась мошкара, обещавшая назавтра жаркий денек. На щеке Пролежнева сидел жирный комар. Алекс смахнул его ладонью и застонал. Его породистые джинсы были мокрыми, резкая боль в спине не давала дышать, в ушах гудело.

Алекс хотел подняться на ноги, но не смог. Согнувшись, хватаясь руками за берег, он встал раком и завыл от боли.

Над ним заскрипели половицы моста. Пролежнев увидел над собою женские ноги в обрезанных сапогах. Над ними – юбка, а еще выше – черный ватник. В руках у женщины была авоська с мороженой рыбой, завернутой в грубую бумагу серого цвета. Наружу торчал только твердый, как сосулька, хвост.

Ж е н щ и н а (Алексу). Опять нажрался!..

Шепча что-то нечленораздельное, пошла дальше.

Пролежнев по-прежнему стоял раком на мелководье. Рядом с ним издыхал дорогой «Харлей Дэвидсон», поднимая колеса из воды.

Шум в ушах начал утихать. Алекс попробовал выпрямиться и закричал от боли. Кое-как подошел к байку и вытащил его, надрываясь, из воды.

Поставил на колеса, попытался завести. Но тщетно... «Харлей» был мертвее его. После десяти бессмысленных попыток Пролежнев понял, что надо спасать не импортное железо, а себя самого.

Его мутило. Грязный и мокрый, он выбрался на зеленый склон, хватаясь за корни травы. Рот был наполнен едкой слюной.

Вынул из кармана айфон Apple, чтобы позвонить и попросить о помощи. Но связи не было. Где-то недалеко загудел поезд и застучали колеса. Пролежнев пошел на этот шум, как светлячок летит на огонь лампы. Про себя отметил, что почему-то не видит в поселке дорогих коттеджей – одни избы и дачки, похожие на курятники.

На платформе горели два фонаря, освещая надпись, сделанную масляной краской: «На Москву».

Рядом с платформой находился деревянный сарайчик с совсем уже диковинным названием «Сельская потребкооперация».

Напрягаясь и пытаясь разгадать смысл незнакомых слов, Прележнев зашел под его деревянные своды.

Продавщица. Пошли вон! Уже закрываю!..

Покупатель. Кать, а Кать... Чекушку. Маленькую... В долг.

Продавщица. В долг у жены просить будешь. Если она тебе даст.

Алекс увидел банки бычков в томате и сгущенного молока. Они были выстроены на прилавке двумя аккуратными пирамидами. Прележнев обошел небритого покупателя с левого фланга и протянул продавщице смятую пятисотку.

Алекс. Бутылку «Коки» 0,5 и пачку «Винстон лайт».

Продавщица (выпучив глаза). Кого?!..

Прележнев отшатнулся, понимая, что сказал нечто непотребное.

Продавщица. Ты чего это?.. Чего себе позволяешь?! (Она рассматривала пятисотку с выражением полнейшего изумления.) Иностранец, что ли?..

Алекс (на всякий случай). Вроде того...

Продавщица. А почему по-русски написано?..

Она имела в виду банкноту.

Алекс. Потому что я – русский патриот. (Подумав.) С сотрясением мозга...

Продавщица. Ну и ступай отсель!.. (Швырнула ему пятисотку чуть ли не в лицо.) Нарисуй получше!..

Чувствуя, что сходит с ума, Алекс позорно попятился к дверям. Но все-таки не смог уйти, не сказав гадость. Ибо не привык, чтобы победа, пусть и словесная, доставалась каким-то провинциальным стервам.

Алекс (про пятисотку). Знаете, как у нас, иностранцев, это называется? Маленькая, лиловая... не деньги!

Продавщица сорвала трубку с черного стационарного телефона, который стоял на столике под консервными банками. Вертанула два раза телефонный диск.

Продавщица. Милиция?! ...Это Таня Охупкина!.. У меня хулиганит псих!

Шутки кончились, и Прележнев выбежал из магазина в темноту, растворился, как привидение...

Материальность мира была под угрозой. Привычный подмосковный пейзаж таил неожиданности, вызывавшие панику. В окошке билетной кассы торчала рукописная бумажка: «Болею. Буду через 3 дн.»

На самой платформе не было механических автоматов, которые бы пропускали пассажиров.

Алекс. А где турникеты?..

Вопрос повис в воздухе и остался без ответа.

Темноту рассек прожектор головного вагона. Электричка со скрежетом ножа, который точился о камень, подвалила к платформе и раскрыла перед Алексом свои механические двери.

Сиденья в вагоне оказались деревянными, непривычно жесткими. Пролежнев, озираясь, сел напротив пенсионера с девочкой лет десяти, по-видимому, внучкой. Она была в очках и читала «Сказки Пушкина». Дед же без очков разгадывал кроссворд в журнале «Огонек». В руках его находился довольно странный карандаш, который пенсионер слюнявил перед тем, как написать слово в графе кроссворда. Алекс не знал, что такой карандаш назывался когда-то химическим.

А л е к с . А скажи, батяня, контроль тут часто ходит?

Пенсионер поднял на него умные, как у собаки, глаза и не проронил ни звука.

А л е к с . Хотел купить билет, а касса закрыта...

Д е в о ч к а (строго, не отрываясь от Пушкина). Контроль будет завтра. У них рабочий день уже кончился.

А л е к с (после паузы). Знаете, почему нужно биться черепком об землю?..

Попутчики не ответили.

А л е к с (продолжая мысль). Потому что ты сразу оказываешься там, где проезд бесплатно.

Впереди засветились новостройки спальных районов. Москва приблизилась к ним, словно гигантский авианосец.

Площадь трех вокзалов... Его поразила очередь на такси. Люди, человек пятнадцать, покорно ожидали своей участи, пока «Волга» с зеленым огоньком не удостоит их вниманием. Странно было то, что рядом стояли пустые машины с шашечками, но никуда никого не везли.

Пролежнев в очередях не стоял и даже не знал, что это такое. Минувя хвост из молчаливых людей, подошел к «Волге», на лобовом стекле которой висела лаконичная табличка «В парк». Алекс дернул за ручку. Дремавший шофер пробудился от дремы и высунул голову на свежий воздух.

Ш о ф е р . Есть «Московская» и «Столичная».

А л е к с . Чего?!.

Ш о ф е р . «Московская» – пятерка. «Столичная» – за семь.

Пролежнев с ужасом осознал, что ему пытаются продать водку.

А л е к с . Семь тысяч? ...А не жирно ли будет, дядя?

Шофер хмуро осмотрел его с головы до ног.

Ш о ф е р . Ты откуда такой взялся?

А л е к с . С того света.

Ш о ф е р . Ну и ступай отсюда на тот свет.

Он поднял стекло машины, натянул фуражку с пластмассовым козырьком на лоб и снова погрузился в сон.

...Алекс прочитал объявление у билетных касс метро.

Алекс. Пять рублей за проезд, я правильно понял?..

Серая от усталости кассирша смотрела на него через стеклянное окошечко.

Кассирша. Вы будете менять деньги или нет?

Алекс. А сколько надо?

Кассирша. Пять копеек.

Алекс. Но у меня нет пяти копеек.

Кассирша. Зато у меня есть.

Алекс. Вы не поняли... Во всей стране, во всей России нету пяти копеек!..

Женщина была слишком усталой, чтобы спорить о таких пустяках. Она почти равнодушно закрыла перед ним свое окошечко... Мало ли кто ходит по Москве теплыми летними вечерами? За всех не ответишь и всем не объяснишь.

Алекс поймал на себе пытливый взгляд двух представителей закона. Они, в фуражках с красным кантом, стояли по ту сторону металлических турникетов. Над их головой светилась электричеством непонятная надпись «Опорный пункт».

Стараясь не оборачиваться и не бежать, Пролежнев вышел на свежий воздух.

Он никак не мог понять, что же его изумляет. Если отбросить в сторону абсурд с деньгами, то все равно в воздухе висела какая-то странная экзотика. Улицы, несмотря на вечер, были пустее обычного. Машины пронеслись редко и то в основном «Волги» да «Жигули».

Алекс. ...а где здесь москвичи?

Он задал свой вопрос очкарику в шляпе, который выходил из чебуречной с бумажным пакетом. Через бумагу проступал жир завернутых в нее азиатских пирогов.

Гражданин в шляпе. Телевизор, наверное, смотрят. Новую серию «Знатоков».

Алекс. А вы почему не у телевизора?..

Гражданин в шляпе (испуганно). Я смотрю только «Очевидное – невероятное». И «Кабачок «13 стульев»...

Он хотел прошмыгнуть мимо, но Алекс придержал его за рукав.

Алекс. Вы меня не бойтесь... Я – из-за границы.

Гражданин в шляпе. А я и не боюсь. У нас – разрядка международной напряженности. Чего мне бояться?

Алекс. Эту чебуречную недавно построили? Что-то я ее не помню.

Гражданин в шляпе. Она всегда здесь стояла.

Алекс. А поесть в ней можно? Не отравлюсь?

Гражданин в шляпе. Чебуреки кончились. Я последние взял.

Алекс. Разрядка разрядкой... А пожарить негде!..

Гражданин в шляпе. Раньше нужно было думать. С утра.

Алекс. А если я пью на завтрак только черный кофе, а ем вечером?..

Очкарик промычал что-то невразумительное и побежал через трамвайные пути на другую сторону улицы.

Тошнота у Алекса прошла, и это был позитивный факт. Ему очень хотелось есть. Он поглядел на красную растяжку «Решения XXIV съезда КПСС – в жизнь!».

За ней стоял старый дом с забитыми окнами.

Алекс был поражен в самое сердце этим домом. Он сел на валявшийся на земле металлический баллон с надписью «Пропан».

А л е к с (сам себе). Во блин!.. Ну это ж надо?! Охренеть!

И несколько раз всхлипнул.

Перед кафе «Незабудка» стояла примерно такая же очередь, как на стоянку такси. В стеклянных дверях чернела надпись «Мест нет».

Пролежнев задумчиво почесал подбородок. В его голову пришла простая мысль: если мест нет, то почему люди все-таки стоят?..

Он обошел очередь и постучал костяшками пальцев в стеклянную дверь.

Человек из очереди. Вас не стояло, мужчина! Мы – первые.

А л е к с. У нас заказано.

Откуда взялась у Пролежнева эта таинственная фраза, из каких глубин подсознания выплыла? Но она произвела магическое действие. Человек, качавший права, сразу сник и съежился, словно весенний снег.

Через стеклянные двери кафе выглянуло пытлиное лицо молодого человека с быстрыми глазами, смотревшими куда-то вбок.

Помня о своем недавнем фиаско с пятисотрублевкой, Алекс вытащил из кармана смятую десятидолларовую купюру.

Быстрые глаза молодого человека сделались еще быстрее. Он отворил дверь, Пролежнев протиснулся в щель, словно дворовый кот. Сунул в руку молодого человека десятку, тот мгновенно спрятал ее в карман пиджака и проводил Алекса в зал.

Под потолком висел табачный дым. За деревянными столиками с пластмассовым покрытием сидели веселые хмельные люди. Несколько человек отплясывали в центре зала Let's twist again в исполнении Чабби Чекера. Магнитофон, исторгавший твист, стоял в баре под зелеными бутылками с кубинским ромом. Пролежнев разглядел вращающиеся бобины. На коричневой крышке, защищавшей лентопротяжный механизм, белела пластмассовая надпись «Комета-206».

А л е к с (бармену). А пленка в нем импортная?

Б а р м е н. Отечественная. Тип 6.

А л е к с. Так у вас еще и отечественная пленка?

Б а р м е н. Здесь все отечественное. А у вас?

А л е к с. У нас... Так сразу и не скажешь.

Б а р м е н. Вы давно приехали?

А л е к с. Только что.

Б а р м е н. Америка? Европа?..

А л е к с. Москва. (Подумав.) На Гудзоне.

БАРМЕН. Понял. Но за валюту у нас не обслуживают. *(Шепотом.)* Могут поменять доллары на рубли по выгодному курсу.

АЛЕКС. А воду слабо налить из-под крана? По выгодному курсу?..

БАРМЕН. Я вам кипяченой налью. Бесплатно.

Он отошел к кофейной машине и наполнил продолговатый стакан дымящейся водой. Бросил в стакан пару кусочков льда, и кипяток начал остывать.

АЛЕКС. А это что за зверинец?

Он имел в виду празднично одетых людей.

БАРМЕН. Новоселье справляют.

АЛЕКС. Почему не в квартире?

БАРМЕН. Дом сдан с недоделками.

АЛЕКС. Лузеры... Они, наверное, весь налик выложили?

БАРМЕН. Какие лузеры?..

АЛЕКС. Ты русский знаешь? Лузеры сдали налик, потому что запахло быть терпилами. Неужели не врубился?

БАРМЕН *(с трудом соображая)*. Они ничего не платили. Это ж не кооператив. Получили по очереди.

АЛЕКС. Гонишь!

БАРМЕН. Куда? Двадцать лет стояли и получили. Две комнаты с недоделками.

АЛЕКС *(с отчаянием)*. Я уйду в ретрит!.. *(Он жадно отпил остывшей воды из стакана.)* Как же называется эта страна, где дают бесплатно две комнаты с недоделками?

БАРМЕН. Она называется Совдепией. *(Подобострастно.)* А у вас... на Гудзоне все не так, верно? Там уж если квартира, то полный шик... Без недоделок? Суперлюкс?

АЛЕКС *(с угрозой)*. Ты мой Гудзон не трогай. Тем более что я к нему посторонний. *(Он внимательно взгляделся в припухшее лицо бармена.)* Ты когда умер?

БАРМЕН. Не понял намека.

АЛЕКС. Ну, умер и здесь очутился... В коммунальном Раю?

БАРМЕН. Я здесь с рождения. А ты?

АЛЕКС. А я отошел пару часов назад. Но тебе этого не понять. Не патриот ты, парень, не патриот! *(Взяв в руки стакан, он направился к гуляющей компании. Осторожно обошел танцующих и поглядел на ноги дам.)* Туфли-лодочки... Высший шик!

Его внимание привлек стол с обильной едой. Остатки салата оливье, котлеты по-киевски с торчащей вверх обжаренной косточкой, бутылки с узбекским портвейном... Главное, что количество еды явно превышало количество празднующих. Прележнев был опытным менеджером, потому и оценил ситуацию мгновенно.

АЛЕКС *(присаживаясь за стол)*. Крепленое – для дам. А белую – для офицеров внутренних войск!..

Он налил в чистый стакан водки из графина и выпил не закусывая. Положил в тарелку салат и подцепил вилкой остывшую котлету.

На его явление никто не обратил должного внимания. Так бывает в больших компаниях – приглашенных столь много, что хозяева в точности не знают, кто есть who.

Напротив Алекса сидел человек лет на пятнадцать старше. Он тоскливо смотрел на официанта, который убирал со стола грязную посуду.

Зилов. Ну когда, Дима... когда?

Официант Дима. До начала отстрела – пять недель.

Зилов. Ты шутишь... Пять недель... это же полтора месяца! А если я за это время помру?

Официант Дима. Отчего?

Зилов. От рака.

Официант Дима. От рака так быстро не умирают. Через полтора месяца ты еще будешь на ногах.

Зилов. А если случится инсульт?

Официант Дима. Это всего лишь паралич. А не смерть.

Зилов. Ну я ведь винтовку держать не смогу. Ты об этом подумал?

Официант Дима. Я буду держать. А ты только на курок нажмешь.

Алекс (*жадно жуя салат*). Про что базар, джентльмены? Кого отстреливаете? Людей?

Зилов бросил на него мутный взгляд и не удостоил ответа.

Зилов (*с тоской самому себе*). У человека одна мечта – поохотиться перед смертью. И то нужно ждать пять недель, чтобы спустить поганый курок!..

Алекс. Берите тур в Северную Африку. И мочите кого хотите и когда.

Реплика была столь возмутительной, что ее невозможно было оставить без ответа.

Зилов (*официанту*). Это кто?

Дима пожал плечами, уходя от ответа.

Зилов (*Алексу*). Ты кто?

Алекс (*обнаглев*). Молчи, отец. Я мертвее тебя. И то всем доволен...

К столу подошла фривольная дамочка в красной мини-юбке.

Дамочка. Как здесь весело, алики! Люблю тебя, Зилов!

Зилов (*показывая пальцем на Алекса*). Можно вот этого отсюда убрать?

Дамочка (*всматриваясь в Пролежнева*). Это же Лёха с «Электрокабеля»!

Зилов. Ты – Лёха?

Алекс. Возможно.

Зилов. А точнее?

Алекс. Мистер X. Nowerman.

Дамочка (*лирически*). Лёха, Лёха, мне без тебя так плохо! Можно с тобой посидеть?

Алекс. Хорошо тут у вас. Есть где развернуться и кому в душу плюнуть.

Дамочка (*садясь к нему на колени*). А разве у вас на «Электрокабеле» не так?

Алекс. У нас за всё – бабки. Дышишь – платишь. Чихнешь – платишь... Всем заправляют операционисты. Зато сервис отличный.

Д а м о ч к а (Зилу). А он смешной алик. Пожалуй, я в него влюблюсь, можно?

З и л о в (Алексу). Ты можешь отсюда уйти, Лёха? Раствориться, как утка в камышах?

А л е к с . Котлету доем и уйду.

Д а м о ч к а . А я вот не люблю котлеты. Я люблю только барбекю на даче в Тарасовке. При свечах и с оркестром Поля Мориа. Свезете меня, Лёха?

А л е к с . Вы бы слезли с моих колен, женщина. А то у меня все затекло.

Д а м о ч к а . Ты слышал, Зилов, как оскорбляют твою любовь? У него, видите ли, затекло... Да другой бы почитал за счастье, что у него сидела! Ты, Лёха, все-таки дурной!

А л е к с . Вас здесь не стояло!

В это время мужчина начальственного вида в костюме из полиэстера, который сидел на нем колом, застучал вилок по рюмке. Он был похож на зимний сугроб.

К у ш а к . Попрошу внимания... Хочу сказать кавказский тост!

Д а м о ч к а . Просим!..

А л е к с . Кавказский тост под узбекский портвейн... Ну-ну!

К у ш а к . А вы, собственно говоря, кто?

А л е к с . Я – Лёха с «Электрокабеля».

Д а м о ч к а (про Алекса). Вы его не слушайте. Он пьяный!

К у ш а к . А я и не слушаю. На новоселье положено быть пьяным.

З и л о в . Еще и на охоте.

А л е к с . Еще – на похоронах.

Зилову неожиданно понравилась эта реплика. Он протянул Алексу руку, и тот пожал ее. Это был первый мостик к взаимопониманию.

К у ш а к . Я хочу выпить за эту новую советскую квартиру...

А л е к с . С недоделками.

К у ш а ккоторую ждали двадцать лет, и образцовую советскую семью...

З и л о в . С недоделками.

К у ш а ккоторая собирается в ней жить.

Алекс протянул Зилову руку, и они снова обменялись крепким мужским пожатием.

К у ш а к . Как руководитель и хозяйственник...

А л е к с . С недоделками.

Д а м о ч к а (Алексу). Так нельзя, Алик. Товарищ Кушак и выбил это жилище.

К у ш а ккак административное лицо и член парткома я расскажу за этим обильным советским столом старую грузинскую притчу.

А л е к с . Партком здесь всем правит... так?

З и л о в . Еще фабком, местком и управдом.

А л е к с . В яблочко!..

Они опять пожали друг другу руки по-мужски.

К у ш а к . Виссарион родил Сандро. Сандро родил Вану. Вану родил Гочи. Гочи родил Георгия. А Георгий родил Исаака, который и стал директором Центрального рынка!..

Алекс (вставая из-за стола). А вот этого не надо!.. (Он неожиданно обиделся.) Я как менеджер по продажам работаю и с Ваню, и с Сандро...

Дамочка (подливая масло в огонь). И с Исааком!

Алекс. Вот именно!.. Именно с Исааком! И не позволю озвучивать всякие библейские притчи с националистическим душком!

Кушак. Вы ничего не поняли, Лёха.

Дамочка. У них на «Электрокабеле» всегда так. Чувство юмора, как у жирафа. Длинношеее.

Алекс (душевно). Молчи, старая выхухоль!

Кушак. Молодой человек... Вам требуется освежиться... Вы не находите?

Алекс. Не нахожу. Я сам себя потерял, чего я могу найти?

Зилов (просительно). Освежись, Лёха! Освежись!.. (Кушаку.) Сейчас я его освежу!..

Он насильно поднял Алекса из-за стола и потащил к туалету, который был один на всех, то есть для обоих полов. Дернул ручку, но туалет оказался запертым.

Алекс. Да я на улице отолью, не беспокойся.

Зилов. На улице нельзя, Лёха. Органы не спят. Знаешь, как я называю вытрезвитель? «Праздник, который всегда с тобой»...

В это время дверь туалета распахнулась, и из него вышла женщина с заплаканными глазами под линзами очков. Наотмашь ударила Зилова по голове, и он от неожиданности присел...

Галина. Я видела, как вы обтирались с этой прости господи в красном платье, пока меня не было в зале. Про таких, как вы, Пушкин сказал: «К чему стадам дары свободы?..» (Алексу.) Это – не человек. Это – terra incognita. Для него слезы ребенка не существует! Шесть лет я за ним замужем, а он так и остался для меня загадкой! (Зилову.) Вам не нужен ни Достоевский, ни Толстой!

Зилов. Зачем мне читать Достоевского, если передо мною Великий Инквизитор в юбке?

Галина. Я – ваша совесть.

Зилов. Будьте своей совестью, а не моей. (Алексу.) Она подсматривала из туалета. Как это тебе?

Алекс. Фиолетово.

Зилов. Ты зря с ним откровенничаешь, Галя. Он с «Электрокабеля» и ничего не понимает.

Алекс. Я – битый электротокком.

Галя. Почему ты надел грязную рубашку? Я же тебе на неделю все перестирала?

Зилов. Можешь вообще ничего не стирать. Только не пили, ладно?

Галя. Я сейчас все переиграю... Ты меня запомнишь, Зилов! (Она прошла к столу и взяла в руки бокал. Обращаясь ко всем.) Я хочу сказать вам... Это была шутка. Нам не нужна новая квартира. (Кушаку.) Спасибо вам за хлопоты... Но то, что вы выбили у государства с таким трудом, нам

не понадобится. Уже завтра мы будем менять вашу двухкомнатную на две однушки в спальных районах.

З и л о в . Тогда и я хочу сказать.

А л е к с (удерживая его за руку). Не надо, товарищ Зилов!

З и л о в . Отцепись!.. (С силой отрывая от себя Пролежнева.) Мне почти сорок лет. Ватерлоо не выиграл. Теорию относительности не создал. «Божественную комедию» не написал. Внедрял научно-технический прогресс на благо социализма, но самому социализму от этого ни горячо ни холодно...

А л е к с . Или ты внедришь, или в тебя внедрят. Это закон жизни.

З и л о в (игнорируя его реплику). Меня все ненавидят. Ненавидит моя любимая жена, ненавидит моя нежная невеста. Ненавидят отдельные граждане, профильные организации и отраслевые министерства...

А л е к с (обращаясь к Галине). Так у него при жене еще и невеста есть?

Г а л я . И не одна.

З и л о в (продолжая свою мысль). ...а за что? За то, что я хочу быть свободным и счастливым? За то, что люблю многих и только так могу делать добро? Это не грех мой, а беда!..

А л е к с . Беда для остальных.

З и л о в . Вот вы, товарищ Кушак... Генерал от штатской жизни, перед которым я должен кланяться и снимать шляпу... А я не люблю генералов. Когда я служил в ракетных частях, у нас был пес по кличке Мышкин. Мухи не обидит. Святая душа русской дворянки билась в его рыжей несчастной груди...

А л е к с (размышляя). Мышкин... Что-то знакомое. По телеку недавно было...

З и л о в . Так вот, к нам приехал генерал из Министерства обороны с инспекцией. И наш Мышкин его облаял. Первого и последнего человека в своей собачей жизни. И генерал приказал нам: отравить!..

А л е к с . Жестоко, но справедливо!..

З и л о в . Приказ был выполнен. Армия есть армия.

А л е к с . Бедный Мышкин!..

З и л о в . Да не Мышкин, а генерал. Отравился за обедом. Когда попробовал солдатских щей. И летал, как ракета...

К у ш а к . В вашем анекдоте есть политическая составляющая.

З и л о в . Плевать мне на составляющую! Я жить хочу не составляющей, а самой сердцевиной! Не отдавая никому отчета. Не лицемеря, не кланясь в ножки всякого рода холуям с партийным билетом. Жизни мне дайте! Искренней жизни! Жить хочу!

О ф и ц и а н т Д и м а (бармену). Они сейчас подерутся. Врубай музлу!..

Бармен нажал на клавиши магнитофона «Комета-206». Из динамиков обрушилась, как ком, советская песня «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...».

В зал вошли четверо хмурых людей. У троих были повязаны красные тряпочки с надписью «Дружинник». Четвертым был лейтенант милиции в форме.

Л е й т е н а н т (бармену). Это у вас валютчики гуляют?

Б а р м е н . У нас.

Лейтенант (собравшимся, стараясь перекричать музыку). Всем оставаться на своих местах!..

Алекс (оценивая ситуацию, Зилову). Можешь вывести меня отсюда? Зилов. Легко.

Он потянул Пролежнева в коридор с туалетной комнатой.

Пройдя коридор насквозь, они оказались на кухне. Там озабоченная женщина в белом фартуке наливала в графин портвейн, разбавляя его водой.

Зилов толкнул дверь служебного входа, и они оба оказались на улице.

У фонарного столба, прикованный к нему железной цепью, стоял мотоцикл «Урал».

Алекс. С ума сойти!.. Твой байк?

Зилов. Это не байк. Это советское транспортное средство.

Нагнувшись, он освободил мотоцикл от цепей.

Алекс. Я поведу. Ты же пьян в стельку. (Влез в седло и нажал на стартер. Мотор не завелся.) Стартер – барахло.

Зилов. Не стартер, а аккумулятор...

...машина завелась с десятого раза. С оглушительным ревом они отъехали от «Незабудки» и скрылись в темноте.

...в ушах стоял рев мотоцикла. Алекс, открыв глаза, сел на кровати.

Точнее, на матрасе, который лежал на полу. В висках стучала кровь. Сказывались последствия травмы и бурно проведенного вчерашнего вечера.

Зилов спал одетым на диване. На окошке стоял цветок с засохшим алоэ. В открытую форточку несло воркование голубей.

Пролежнев посмотрел вверх. Потолок был в живописных зелено-бурых разводах. Квартира давно требовала ремонта.

В дверь позвонили. Хозяин пробудился и, вздрогнув, сел на кровати.

Позвонили еще раз... Зилов пошел открывать. Алекс посмотрел оценивающе из окна во двор. Пятый этаж... Высоковато будет прыгать от милиции... Впрочем, если дотянуться до пожарной лестницы, то уйти не составит труда.

В комнату вплыл большой венок. Его внес мальчик лет двенадцати с пионерским галстуком на груди.

Зилов (мальчику). Кто тебя послал?

Мальчик. Вы ведь товарищ Зилов?

Зилов. Ну?..

Мальчик. Читайте сами.

Он разгладил на венке черную траурную ленту. На ней было выдавлено строгим потертым золотом: «Виктору Александровичу Зилову от безутешных друзей. Спи спокойно, дорогой товарищ!»

Мальчик. Все сходится. Вы и этот венок существуете в диалектическом единстве.

Зилов. Тогда почему ты не смеешься? Ведь это очень смешно – живого человека зарывают в землю!..

Мальчик. А чего смеяться? Мне нужно уроки учить.

Он как-то странно топтался на месте, будто хотел в уборную.

З и л о в . Тогда уходи.

М а л ь ч и к . Варенье хотя бы у вас есть?

З и л о в . Ты отличник?

М а л ь ч и к . Почти.

З и л о в . Значит, здоровый член общества. Не стыдно тебе есть варенье, как маленькому?

М а л ь ч и к . А что вы можете предложить взамен?

З и л о в . Крепкий отцовский ремень.

М а л ь ч и к . Это не наши методы. Только убеждение и сила коллектива. Перевоспитание здоровым трудом.

З и л о в . Такого не встречал. Зато видел, как здоровый труд делает человека инвалидом.

А л е к с . Этот мальчик из Северной Кореи. Отпусти его.

М а л ь ч и к (Алексу). А с вами у нас будет разговор особый...

Зилов открыл холодильник, вытащил оттуда трехлитровую банку засахаренной черной смородины и вручил пионеру.

Мальчик, открыв крышку, облизал ее языком и, озираясь, ушел.

З и л о в . Дело плохо, Лёха.

А л е к с . Думаешь, настучит?

З и л о в . Я не про то. Этот веночек может означать, что меня уволили за вчерашний дебош.

А л е к с . Езжай на работу, спроси.

З и л о в (с отчаянием). Как я спрошу, если сегодня воскресенье?

А л е к с . Не ной. Ты не знаешь, что такое настоящая боль... Только я знаю.

З и л о в . Это ты о похмелье? Огуречного рассола у меня нет. Зато есть пирамидон с анальгином.

А л е к с . Я тебе покажу такое, чего пирамидон не берет. Здесь помогают лишь грибы и соборная молитва.

З и л о в . Только переоденься. А то выглядишь, как американский шпион...

Улица Русаковская. Стал накрапывать мелкий дождик. Прозвенел трамвай, в котором сидели несколько пенсионеров. Зилов держал над головой целлофановый пакет. Пролежнев не закрывался ничем. Новый друг одел его в синтетический костюм с мелкой полоской, и Алекс перестал выделяться из городской толпы.

А л е к с . Здесь!..

Они стояли возле дома, предназначенного под снос. Возле него Алекс убивался и рыдал накануне. Окна первого этажа были забиты досками. Из других, повыше, торчали электрические провода и осколки битого стекла.

Зилов, занятый мыслями о траурном венке, хмуро взглянул на выцветшую рекламу «Уходя, гасите свет!».

А л е к с . Я тут живу.

З и л о в . Сочувствую. В нем, наверное, еще остались клопы...

А л е к с . Ты меня не понял. Я здесь живу, но в другом доме. На последнем двадцать первом этаже, из которого видна вся Москва. Не веришь?

З и л о в . Верую, ибо абсурдно.

А л е к с . И я вот думаю... Я сильно ударился башкой, когда прыгал на байке. То ли умер и попал на тот свет... к вам. То ли... прорвал толщу времени и угодил прямиком в социализм.

З и л о в . Есть ли разница?

А л е к с . Разницы нет. У вас какой сейчас год по вашему антивремени?

З и л о в . 1972-й.

А л е к с . Я еще не родился.

З и л о в . Тебе повезло. У нас довольно скучно. Но утонуть нельзя. Как в соленом море. Волны сами держат тебя на плаву.

А л е к с . Сила коллектива?

З и л о в . Вроде того... А у вас?

А л е к с . У нас наоборот. Довольно весело. Но без спасательного круга в воду не входи.

З и л о в . Опять сила коллектива?

А л е к с . Бабло – наш спасательный круг.

З и л о в . Не понял.

А л е к с . Деньги. Ты что, не знаешь такого слова?

З и л о в . Деньги – знаю... А бабло... Это, скорее, бабы...

А л е к с . Два мира, две морали?

З и л о в . С миром всё в порядке. Войны давно не было.

А л е к с . Я принесу вам истинный мир. Пойдем!

Он потянул Зилова за рукав от дома, и они вышли из тихого переуллка на простор людной улицы.

Дождик сделался реже и мельче. Под козырьком станции метро «Сокольники» стояла женщина с лотком, накрытым полиэтиленовой пленкой. Под пленкой лежали муляжи мороженого.

А л е к с . Сколько стоит эскимо?

П р о д а в щ и ц а . Одиннадцать копеек.

А л е к с (*шепотом Зилову*). Ты видел такую идиотку? (*Женщине громко*.)
Дайте одно на пробу.

Продавщица вручила Пролежневу серебряную торпеду на палочке.

А л е к с (*Зилову*). Оплати расходы...

Развернул эскимо, понюхал его с сомнением и надкусил...

З и л о ви что?

А л е к с (*нехотя*). Молоко настоящее, цельное. И шоколад... Это до какой же жизни нужно дойти, чтобы делать мороженое из цельного молока?..
Покупай десяток.

З и л о в . Зачем?

А л е к с . Объясню потом.

Зилов пожал плечами, протянул продавщице смятый рубль плюс десять копеек мелочью.

Та полезла в недра своего лотка и начала доставать оттуда мороженые снаряды. Завернула их в грубую бумагу, протянула сверток Зилову.

З и л о в . Ну и?..

Алекс. Берем из твоего холодильника лед. Пакуем в него эскимо и везем на мотоцикле в ближайшее Подмосковье.

Зилов. Смысл?

Алекс. Продаем по рублю штука. Чистая прибыль – больше, чем от нефти. Минус расходы на бензин.

Зилов. Не купят. В Подмосковье свое мороженое.

Алекс. Но не из цельного же молока?

Зилов. Из цельного. ГОСТ на всех один.

Алекс. А где дефицит?

Зилов. Дефицит у нас на другое...

Алекс не расслышал последней фразы. Он пристроился в небольшую очередь к ларьку с туманным названием: «Воды».

Продавщица в ларьке (*нервно*). Только две в одни руки!..

Алекс (*Зилову*). Возьми на пробу!..

Зилов протянул в ларек смятый рубль, получил сдачу и две зеленые бутылки пива с желтой наклейкой «Жигулевское».

Алекс взял одну, приложил к бордюру железной пробкой и сбил ее, рванув бутылку на себя. На асфальт брызнула бодрая пена.

Зилов. ...ну и?

Алекс (*пробуя пиво из горлышка*). Договорись и купи у нее ящик.

Зилов. Расчет правильный. В Подмосковье пива нет.

Алекс. Наконец-то!..

Зилов. Но есть статья в Уголовном кодексе. Одна. И на мороженое, и на пиво. На любую перепродажу.

Алекс. Ты скучный тип.

Зилов. Зато есть другие, веселые... Они разбавляют пиво обыкновенной водой.

Алекс. Зато его делают из хмеля. Вот что странно.

Зилов. А у тебя... Из чего делают пиво... На твоём свете?

Пролежнев неопределенно хмыкнул.

Алекс. У нас, в смысле мирозерцания, хмель есть. Но в смысле растения...

Он развел руками...

Они сидели за забором на стройке, которая по случаю выходного дня была пуста. Ели растаявшее мороженое, поддевая его железными пивными крышками.

Зилов (*допивая пиво из бутылки*). Пиво так себе... Я люблю рыбинское, «Волжское»... Но оно редко бывает.

Алекс. А знаешь, что Рыбинск скоро переименуют в Андропов?

Зилов. По какому случаю?

Алекс. По случаю кончины крупного руководителя, но не надо о грустном. Ты, может, до этого и не доживешь. С твоими-то проблемами...

Зилов. И хорошо. Ездить в Андропов как-то странно... (*Он поставил пустую бутылку у черной бочки.*) На сегодня наши отношения закончены. Развлекайся один. У меня дела сердца.

Алекс. Ночной клуб здесь далеко?

Зилов. Есть дневной. На транспорте можешь ездить спокойно. Троллейбус – три копейки. Автобус – пять.

Алекс. У меня даже этого нет.

Зилов. И не надо. Набери в карман мелкой гальки и бросай в кассу вместо денег. В транспорте самообслуживание. Билет отрываешь сам.

Алекс. (злорадно). И вам все это не нравится!

Зилов. Я же сказал – скука смертная...

Алекс. Дураки вы, дураки! На вас даже слов жалко.

Зилов. Вот тебе дубликат ключа от квартиры. Рано меня не жди. У меня дела.

Алекс. Разводишься?

Зилов. Женюсь.

В троллейбусе по случаю воскресенья ехало всего человек десять. Кассы самообслуживания стояли впереди и в хвосте салона. Пролежнев сел в хвост. Суеверно оглянувшись, он бросил в кассу несколько скрепок, которые нашел в кармане костюма. Оторвал билет. Чувство безнаказанности и абсолютной свободы вскружило голову. Он оторвал еще билетов пять... Потом – десять. В его руках оказалась длинная бумажная лента с отпечатанными на ней билетами. Алекс повязал ее на шею вместо галстука и блаженно откинулся на спинку сиденья.

Ему казалось, что он спит.

...В большом пруду вокруг фонтана «Золотой колос» на ВДНХ кружились десятков лодок. Зилов сидел на веслах, глядя на молоденькую девушку, которая расположилась на корме.

Зилов. Утка – птица деликатная. Шума не любит. Спит в камышах, уткнув голову в хвост. Первая зорька – самая тихая и морозная. Из рта идет парок... Ты слился с камышами и водой. И когда первый солнечный луч позволяет увидеть другой берег, ты как бы ненароком делаешь неосторожное движение... Птица взлетает, и ты бьешь ее с нескольких метров. Трех пропустишь, а одну срежешь. И она упадет в воду, словно спелая груша...

Невеста. И как же вы достаете ее из воды?

Зилов. Достают не я. Достает собака. Идет на запах свежей крови и ловит утку прямо зубами: а-амм!..

Невеста. У вас какая собака?

Зилов. Никакой.

Невеста. А как же утки?

Зилов. А я их не достают. Я же не из-за голода стреляю, а по вдохновению. Подстрелю пяток, и как-то спокойнее на душе... День прожит не зря.

Невеста. А я бы не смогла убить птицу.

Зилов. Я вас научу. Это не убийство, это охота.

Невеста. В чем разница?

Зилов. Убийство чаще всего случайно. А охота – это непреодолимое желание. Но не крови, нет... Общения. Пока готовишься, пока едешь на

электричке или машине... Пока лодку надуваешь, столько друг другу расскажешь... Про самое сокровенное. Это – как Новый год.

НЕВЕСТА. Приготовление лучше праздника?

ЗИЛОВ. Точно!..

НЕВЕСТА (*двусмысленно*). Будет у вас утка. Больничная...

Пролежнев сидел один во втором ряду и скучал. Всего в зале Дома культуры отдыхало десятка три пенсионеров. Концерт был бесплатным. На освещенной сцене стоял хор припудренных дам последней свежести.

Впереди них находился солист во фраке с мужественным голосом радиодиктора.

СОЛИСТ (*поет*). «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины...»

Алекс оглянулся, пытаясь понять, какое действие на людей оказывает песня. Но пенсионеры были непроницаемы.

ХОР. «...и им ответят их сыны, хотят ли русские, хотят ли русские, хотят ли русские войны?..»

АЛЕКС (*старушке, сидевшей позади него*). Так хотят ли русские войны?.. Я что-то не понял.

СТАРУШКА. Вы мне мешаете, молодой человек!

АЛЕКС. Я просто хочу разобраться. Хотят ли?..

СТАРУШКА. Нет, не хотят.

АЛЕКС. А где это сказано в песне? В ней только вопрос.

СТАРУШКА. Я сейчас милицию позову!..

АЛЕКС. Не надо. Просто эстрада у вас... На трезвую голову и не разберешь!

Песня окончилась. Пенсионеры захлопали. На сцену вышел ведущий.

ВЕДУЩИЙ (*объявляя*). «Издалека долго течет река Волга».

Ушел за занавес, и Алекс услышал, как скрипят его начищенные туфли.

ХОР (*поет*).

Издалека долго

Течет река Волга...

Течет река Волга,

Конца и края нет...

АЛЕКС (*вставая*). Ну, это надолго!.. (*Начал пробираться к выходу, наступая на ноги пенсионеров и объясняя*.) Язуз я бы дослушал... И Оку тоже. Но Волгу не переждешь. Слишком много воды!.. (*Добрался до выхода и крикнул хору, сложив ладони трубой*.) Даешь цеппелинов! Или битлов!..

Хор сбился, кто-то пустил петуха... И Пролежнев удовлетворенно вышел на улицу.

Зилов по-прежнему сидел на веслах. Он подустал, рубашка на груди растегнулась, и на лбу выступили капельки пота.

ЗИЛОВ. Утка не гусь. Гусь приучен к неволе и от этого вздорен. Утка же – птица свободная, не злая. У нее даже есть любовь и верность. А у гусей только похоть. Но вы, по-моему, заскучали...

Н е в е с т а . Я не заскучала. Так что там про любовь уток?

З и л о в . Про любовь... Я сам не видел. Но это мне рассказал Димка-официант. Он, как говорится, имел этих уток и по-русски, и по-пекински... Так вот, ухаживали два селезня за одной уткой. А Димка мой возьми ее и подстрели!.. Селезни улетели. А на будущий год... вы не поверите! Прилетели в то же самое место искать свою глупую утку... Всё думали, она возвратится по весне и будет их ждать... Так-то!

Н е в е с т а . А в людях верность есть?

З и л о в . В людях нет. Есть только во мне... *(Тихо.)* Я – как утка... Всегда возвращаюсь на пепелище, чтобы искать погибшую жизнь...

Задумался, ушел в себя... Раздался звук падения тела в воду. В Зилова полетели холодные брызги и вывели его из задумчивости.

Корма была пуста. В воде плыла его невеста, довольно ловко гребя руками. Зилов бросил ей спасательный круг.

Н е в е с т а *(плывя к берегу)*. Фашист!.. Убивать честных селезней для своей потехи!

З и л о в . А кто сказал, что я убивал? Убить и стрелять – не одно и то же... Вы думаете, легко попасть в утку?! Это же не слон!..

Круг качался на легких волнах. Зилов, загребая веслами, погнался за своей невестой, которая плыла профессионально и быстро.

На лодочной станции завывла сирена...

Веранда и эстрада парка «Сокольники». На радиоле вертелась виниловая пластинка на 33 оборота. Из динамиков звучал голос Эдиты Пьехи:

На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
Но пропал за поворотом санный след...

Песня была медленной, нудной. Повторяющийся рефрен про белый свет нагонял смертную тоску. Пары на танцплощадке, опять же преклонного возраста, кружились, как тополиный пух на ветру. Пролежневу было нехорошо.

Он подошел к радиоле и взглянул на проигрыватель.

А л е к с . А другие скорости есть?

Возле радиолы сидел на колченогом стуле электрик в кепке и дремал. Э л е к т р и к *(пробуждаясь)*. 78 оборотов...

Алекс нашел ручку и переключил механизм. Пластинка заиграла в два раза быстрее. Пенсионеры застыли на месте, а Пролежнев, наоборот, разошелся. Под дикий ритм и голос Буратино, что неслись из радиолы, он задрыгался, замахал руками и станцевал на площадке нечто среднее между брейк-дансом и рок-н-роллом.

Когда он опустил на пол и закутился вокруг своей оси на руках, раздался свисток народной дружины.

Пролежнев перелез через деревянный забор и исчез в зарослях общественного парка.

Алекс открыл замок и попал в большой коридор бывшей коммунальной квартиры. Отсюда, кроме Зилова, уехали все жители. Только детский велосипед без переднего колеса, прислоненный к стене, говорил о прежней жизни.

Пролежнев вошел в комнату Зилова. Шторы на окнах были задернуты, электрический свет не горел. С кровати, стоявшей в углу, раздавалось какое-то кряхтение.

Алекс. Это ты, Зилов?

Зилов *(нехотя)*. Сам, что ли, не видишь?

Алекс. Не вижу, а слышу. Морально разлагаешься?

Зилов. Это моя невеста.

Алекс. Надеюсь, она совершеннолетняя.

Зилов. Ты бы шел отсюда, Лёха. Девушка упала с лодки, и я ее согреваю.

Алекс. Об этом и речь. Сначала наступает морально-нравственное падение, а потом – гибель государственной системы.

Голос невесты. Он что, лектор?

Зилов. Он – Лёха. Стиляга и валютчик.

Алекс. Я просто взываю к покаянию. Как член трудового коллектива... *(Вышел в коридор, чтобы им не мешать. В это время в дверь позвонили. С опаской, через дверь)*. Кто здесь?..

Галя *(из-за двери)*. Жена!

Пролежнев, вздохнув, отпер замок.

Галя. Вас ищут!

Алекс. За что?

Галя. За валюту. С нас всех сняли показания. Пойдем как свидетели на вашем открытом процессе.

Алекс. Ни черта. Лет через пятнадцать нас легализуют... *(Задумчиво)*. Но как протянуть эти пятнадцать лет?

Галя поставила на пол тяжелую сумку, из которой торчали куриные лапы.

Галя. А где муж?

Алекс. Муж женится.

Галя. Невеста одна или их двое?

Алекс *(уклончиво)*. Вы сами здесь разбирайтесь. Я в чужие дела не лезу.

Галя *(открывая дверь в комнату Зилова)*. Вы что-нибудь ели сегодня?

В комнате возникла пауза, сравнимая с затишьем перед большой грозой.

Зилов. Ты можешь закрыть дверь с другой стороны?

Галя. Значит, не ели...

Она прикрыла дверь, взяла сумку и пошла на кухню. Зажгла газ, вытаскивала из целлофанового пакета отечественную курицу и начала опаливать ее на огне.

Алекс *(с ужасом)*. Откуда вы такие взялись?

Галя *(держит в руках дымящуюся курицу)*. Вы про кого?

Алекс. Про вас, женщина... Откуда?

Галья. Я из семьи потомственных учителей.

Алекс. Не продолжайте. *(С трудом вспоминая.)* «Есть женщины в русских селеньях... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» Пушкин.

Галья. Почти. Некрасов.

Алекс. Какая разница? Неужели вас не душит ревность? Я бы его убил!

Галья. Вчера бы убила, а сегодня... Перегорело. Один пепел остался. *(Она налила в кастрюлю воды, поставила ее на огонь и начала резать лук.)* Переживаешь, когда еще ничего не решено. А когда все разрешилось... к чему переживать? Мы должны быть выше своих природных инстинктов.

Алекс. Поздняк метаться... Так у нас говорят. У валютчиков.

Галья. Мы должны оставаться людьми. Всегда и везде. Этому учат нас классики.

Она положила разделанную тушку курицы в воду.

Алекс. В ваших домах мыши есть?

Галья. Встречаются.

Алекс. Значит, есть и мышьяк. Положите в этот суп мышьяка... Зилов все сожрет, он голодный...

Галья. Я живу сейчас у отца в Хронках... И даже он мышьяка не держит, а ставит обычные мышеловки.

Алекс *(помрачнев)*. Деревня Хронки... Роковое для меня место.

Из комнаты вышел Зилов в махровом халате. Увидев жену на кухне, заскрипел зубами...

Зилов. Опять она!..

Галья. Обед стоговлю и уйду.

Зилов *(Пролежневу)*. Ты видал когда-нибудь низких женщин?

Алекс. Только их и видал.

Зилов. А я никогда. Мой тебе совет: никогда не женись на высоких. В моральном смысле. Они все – учителя литературы и русского языка.

Алекс. У нас их почти извели.

Зилов. А здесь только они... *(Жене с тоскою.)* Суп-то готов?

Галья. Еще нет...

Зилов. Налей что есть...

Галина зачерпнула в кипящей воде половником и налила в тарелку раствор воды с луком.

Голос невесты. Зилов... Вы где?

Зилов *(раздраженно)*. Обедаю.

Голос невесты. Уткой?

Зилов. Курицей.

Голос невесты. А мне можно?

Зилов *(жене)*. Ей можно?

Галина, не ответив, поставила на стол вторую тарелку и налила в нее куриного бульона.

Из комнаты вышла невеста, как и Зилов, в махровом халате.

НЕВЕСТА (*протягивая жене руку*). Меня зовут Тая.

АЛЕКС (*потеряв терпение*). Ну ты, девочка, совсем оборзела! Выйти к столу с невымытыми руками!..

НЕВЕСТА. Я же не руками буду есть, а ложкой.

АЛЕКС. Система разлагается на корню... (*Зилу*.) Где же твоя хваленая сила коллектива?!

ЗИЛОВ (*мрачно*). В заднице.

ГАЛЯ. Ну я, пожалуй, пойду... Молоко и масло я купила. Сыр купите сами... Счастливо оставаться!..

Она поставила в холодильник продукты, бережно сложила целлофановый мешок и спрятала в карман платья. Пошла к дверям, и Алекс был вынужден ее проводить.

У дверей Галина замешкалась. Пролежнев заметил, как трясутся ее худые плечи...

АЛЕКС. Не плачьте... Из-за всяких уродов... По нему скучает Освенцим!

ГАЛЯ. Да я не из-за этого... Я...

Она силилась что-то сказать Пролежневу. Так часто бывает – интимное открываешь совершенно постороннему человеку. А ближнего бережешь от этого, боясь, что он не поймет...

Алекс зашел в комнату Зилова, зажег свет и нашел то, что относилось к его невесте, – мокрое платье, нижнее белье... Вынес все это на кухню и комом бросил к ногам девушки...

АЛЕКС. Одевайся и проваливай!

НЕВЕСТА (*не понимая, Зилу*). Он что, расстроился из-за соседки?

АЛЕКС. Это не соседка, девушка! Это его законная супруга.

Невеста стукнула ложкой о стол.

НЕВЕСТА (*Зилу*). А вы мне что говорили?

ЗИЛОВ. То, что есть на самом деле... Когда жена перестает быть женой, она становится соседкой...

НЕВЕСТА. Идиот!

Она схватила одежду с пола и побежала одеваться в прихожую. Через минуту они слышали стук каблучков по лестнице...

АЛЕКС. Она на втором месяце...

ЗИЛОВ (*меланхолично*). Которая из двух?

Они сидели на крыше дома, словно мечтатели. Как в детстве сидят – запрокинув голову в небо. А там лишь вечность, которая в ответ на любые вопросы молчит. Зилов пускал в небо дым от сигареты.

АЛЕКС. Чем травмишься?

ЗИЛОВ. «Опал». Болгария.

АЛЕКС. Название символическое. Дай, что ли...

Зилов вручил ему сигарету из мятой пачки, и они задымили оба.

АЛЕКС (*рассматривая звезды*). Большая Медведица, Весы, Стрелец... Всё, как у нас. А жизнь под звездами другая... Странно.

ЗИЛОВ. У вас бабы тоже делят мужиков?

АЛЕКС. У нас проще. Все спят со всеми и не парятся.

З и л о в . А где местком, партком?

А л е к с . Вместо них плюрализм интимной жизни.

З и л о в . Ты бы не ругался... Я ведь при тебе не матерюсь.

А л е к с . Это – стон отчаяния.

З и л о в . Бабы хоть рожают? При плюрализме?..

А л е к с . Как когда... Мою, например, не заставишь.

З и л о в . А ты еще чем-то недоволен!

А л е к с . Я недоволен лишь тем, что у вас не ходит валюта. И в магазинах, кроме мороженого и хлеба, шаром покати...

З и л о в . Езжай в Елисейский. Там выбор больше...

А л е к с . Мне нужно, чтобы было в шаговой доступности...

З и л о в . Погоня за дефицитом – это вроде развлечения. Многие любят. А чем развлекаются у вас?

А л е к с . Охота на бизонов в Северной Африке... Тебе бы подошло.

З и л о в . Я Африку знаю только по географической карте.

А л е к с . У нашей фирмы в Намибии есть собственный вертолет. Мы его называем «Клим Ворошилов». Едешь в саванну и с вертолета стреляешь из винтовки с оптическим прицелом. Глупые быки разбегаются кто куда... Шуму много. Удовольствие среднее. Но кровь играет, словно выпил стакан водки...

В это время в колодце двора послышался шум мотора. Алекс глянул сверху и увидел милицейский «уазик».

Машина остановилась. Из нее вышел милиционер и начал спрашивать что-то у мальчишки, показывая на дом, в котором жил Зилов.

А л е к с . Это за мной!

З и л о в . А я не открою.

А л е к с . Взломают дверь.

З и л о в . Ни черта. На это требуется ордер.

А л е к с . Мне нужно мотать отсюда!

З и л о в . Давай. Страна большая.

А л е к с . И везде одно и то же...

З и л о в . Ну да. Согласно ГОСТу.

А л е к с . Мне это не в кайф!

З и л о в . Тогда умирай во второй раз.

Алекс с интересом посмотрел на своего нового знакомого. «Уазик» во дворе хлопнул дверью и уехал.

А л е к с . Ты кто по профессии?

З и л о в (*пожимая плечами*). Говорят, инженер-технолог...

А л е к с . А у нас бы был креативный менеджер!

...при свете настольной лампы Зилов писал объяснительную записку.

З и л о в . Напомни адрес, по которому проживаешь.

А л е к с . Улица Русаковская. Дом 31. Квартира 240.

З и л о в . Это я жене пишу. Она с ума сойдет, когда я пропаду. А так хоть будет знать, где меня искать...

Алекс подошел к Зилону и заглянул в глаза.

Алекс. Ты чего это удумал, умник? Я против коллективного самоубийства.

Зилов, не ответив, дописал записку до конца...

Мотоцикл «Урал» стоял на склоне речушки. Алекс сидел за рулем, нажимая на газ, но не трогаясь с места.

Алекс (показывая на берег). Вот здесь лежал мой «Харлей»... Небось стащили и разобрали на винтики... Свой-то байк не жалко?

Зилов молчал. В деревне кричали петухи. Из прибрежных кустов вспорхнула от шума мотора какая-то птица.

Пролежнев полез в карман кожаной куртки и вынул оттуда стодолларовую купюру.

Алекс (суя Зилову деньги). Купишь на это новый мотоцикл. Или два...

Зилов. Я еду с тобой.

Алекс. Даже и не думай. Одно дело покалечить самого себя. А другое – еще и друга обломать!

Но инженер не слушал. Он обхватил руками торс Алекса и впечатался всем телом в заднее сиденье «Урала».

Зилов. Трогай!

Алекс. Ты можешь многое потерять.

Зилов. ...жену, которую не люблю, и невесту, которую презираю? Дурака-начальника и зарплату в 120 рублей? Это ты называешь многим?

Алекс. Паспорт хотя бы при тебе? Чтобы опознать тело?

Зилов похлопал себя по карману пиджака.

Алекс. Ладно, я тебя предупредил!

Он снял машину с тормоза и, сжав зубы, понесся навстречу собственной судьбе...

Через несколько секунд крутящиеся колеса в воздухе нарушили мирное течение подмосковной жизни...

«Урал» тяжело врезался в противоположный берег.

Алекс перелетел через руль. Увидал, приземлившись, что Зилов лежит на мелководье и громко стонет.

Двигатель мотоцикла заглох. Пролежнев вытащил из кармана айфон Apple. Связи по-прежнему не было.

Алекс w (убито). Ни хрена... Голый Вася.

Зилов. Кажется, у меня сломана рука...

Алекс. А зачем она тебе? Чтобы баб щупать?

Зилов. Чтобы дать тебе в морду!

Алекс. Вот-вот... А я ведь тебя предупреждал!..

Он равнодушно наблюдал, как его друг, весь мокрый и несчастный, пытается выбраться на берег. Зилов был похож на гигантского рака. Пролежнев поднял мотоцикл и, поставив его на колеса, попробовал зажигание. Мотор неожиданно завелся.

Алекс. Советское – значит, отличное! (Он сделал ручкой Зилову.) Вуе, вуе, инженер-технолог!.. Схороните меня в элеваторе!

Взгромоздился за руль, отвел машину от берега. Включил полный газ.

Зилов увидел, как над его головой пролетела железная рама с сидящим на ней человеком... Перелетела, хлопнулась об берег... Наступила зловещая тишина.

З и л о в . Неужели еще жив?!

Алекс трясущимися руками снова выгасил свой Apple и поглядел на экран.

А л е к с . Не сложилось, не сбылось!..

З и л о в . Потому что ездить не умеешь! (*Подошел, хромая, к «Уралу»... Нажал на педаль стартера. И мотоцикл завелся... Опять!*) Неубиваемое чудовище... Теперь я поведу!

А л е к с . Меня-то прихвати!

На карачках, весь измазанный в глине, он добрался до заднего сиденья и обхватил руками торс Зилова.

З и л о в . Парад-алле! Туш!

«Урал» предсмертно взревел. Дернулся, полетел, как тяжелый шмель, с одного берега на другой...

Удар. Сырая земля. И тьма, тьма...

Шторы в гостиной были задернуты. Солнечный свет здесь считался чужим. У видеопроектора сидела голая девица с крашенными зеленой волосами. В носу виднелось небольшое колечко. На стену с кирпичами, отделанными золотом, проецировались слайды – худая негритянка в бикини, прикованная железной цепью к стене. Она же прикованная цепью к полу. Потом черные груди крупным планом с сидящим на них скорпионом... Раздался скрежет замка. Девица, накинув на себя овечью шкуру, лениво вышла в коридор.

В квартиру проникли два бомжа. Мокрые, извалявшиеся в глине, они были похожи на мертвецов, которых только что выкопали из земли.

М а ш а . Какого хрена?

А л е к с . Восставшие из ада приветствуют тебя, woman!

М а ш а . А это что за dude?

Она имела в виду гостя.

А л е к с . Этот чувак – товарищ Зилов.

З и л о в (*протягивая руку*). Виктор.

М а ш а (*снисходительно*). Маша Грин.

А л е к с (*объясняя*). Маша значит Маня. Настоящая фамилия – Минуткина. Но она не звучит. Вот Грин – другое дело.

М а ш а . Отвали! А что значит его фамилия?

Она задавала вопрос Алексу, не видя гостя в упор.

З и л о в (*объясняя*). Завод имени Лихачева.

М а ш а . Вот и вали на свой завод!

А л е к с . Мы помоемся, и он отвалит.

М а ш а (*Зилову*). Ты что, голубой?

З и л о в . Я – инженер.

М а ш а . Это одно и то же.

З и л о в . Я – обычный советский гражданин. Пол – мужской.

М а ш а . Вот именно. Ненавижу мужиков!

А л е к с . А со мною живет!

М а ш а . Ты не мужик. Ты менеджер.

А л е к с . А ты – зеленая трава. Знаешь, что с ней бывает? Придет корова и все сожрет!

М а ш а . Shit! Да пошли вы оба!

Алекс дернул за рукав Зилова, увлекая его в ванную.

З и л о в (Алекс). А чего она голая?

А л е к с . У нас так принято. Она же Маша Грин... Неужели не ясно?

Пролежнев раздвинул портьеры, и у Зилова перехватило дыхание. Вся Москва лежала как на ладони. Высотки скребли небо, желтая дымка делала солнце неярким, на улице стояли в пробках потоки машин.

А л е к с (с гордостью, показывая город с высоты). Вот это – Москва-Сити... А этот зеленый островок – твои Сокольники. Дальше – ВДНХ...

З и л о в . Обадеть!.. Сколько же у тебя комнат?

А л е к с (с гордостью). Четыре. И два санузла.

М а ш а . Ты можешь закрыть окна? Мне ни черта не видно.

Она имела в виду проекцию слайдов на стене.

А л е к с (глядя на негритянку). Ничего себе... Кто заказал?

М а ш а . Elle. Для фронт-ковера.

А л е к с . Моя жена – топовый фотограф. Elle... Это такой журнал.

З и л о в . А «Огонек» у вас остался?

А л е к с . А черт его знает!

М а ш а . Мужики... Хорош базлать! Вы мне мешаете работать!

А л е к с . Всё. Уходим!.. У нас есть одежда для него?

М а ш а . Старый купальник.

А л е к с . Только закрытый...

Он утянул гостя на кухню.

Ее просторы показались Зилову необъятными.

З и л о в . Это сколько же квадратов? Всего?

А л е к с . Точно не помню... Сто пятьдесят, что ли...

Он открыл холодильник. В морозильнике было ледяное безмолвие, на полках – нераспечатанный тубик майонеза и початая баночка томатного соуса...

З и л о в . И теперь у всех такие квартиры?

А л е к с . Лишь у богатых.

З и л о в . Значит, у тебя.

А л е к с . Ты не врубился, дядя. Эта квартира не моя. Мы ее снимаем с Марусей за две с половиной тысячи баксов.

З и л о в . А почему холодильник пустой?

А л е к с . Потому что у нас принято хавать в кафе... (Порывшись на полках, нашел английский чай в пакетиках. С искусственным энтузиазмом.) Кипяток с чаем – живем, не скупаем!

З и л о в . Что-то я не пойму... Сплю я, что ли?

Он сидел на табуретке в тесном женском халате, который не мог запахнуть. Даже волосатая грудь под халатом выглядела жалко.

Алекс. А я ведь тебя предупреждал... Тот свет – не этот! Куда хочешь пойти? Кино, выставки, ночные клубы?

Зилов. В магазин хочу. В продовольственный.

Алекс. Тут недалеко есть супермаркет. Только не покупай всякой дряни. (Из металлической коробки из-под чая он вытащил пятитысячную купюру.) Это – твои суточные. Одежду даст тебе Машка. А я на работу... Если меня еще не выгнали... До вечера! Чао! Bye, bye!..

Зилов вышел на улицу в коротких джинсовых шортах и в майке с надписью «Большой Лебовский». Поглядел на свой «Урал», что был прикован цепью к железной ограде у дома.

Ворота были закрыты. Зилов не увидел кнопки замка, с помощью которой открывалась калитка. Поэтому сделал по-простому – перемахнул ограду в два движения и оказался на улице.

...на него никто не обращал внимания. Все горожане спешили по своим делам и смотрели не вперед, а под ноги.

На тротуарах были припаркованы дорогие иномарки. Зилов поравнялся с «БМВ» модели Хб, обошел ее вокруг, любуясь диковинной формой. Провел пальцем по корпусу, стряхивая невидимые пылинки.

Сработала сигнализация. Из ресторана напротив выбежал хозяин в дорогом костюме. Зилов, делая вид, что он здесь ни при чем, пошел дальше быстрым шагом.

...его внимание привлек магазин «Интимный мир». Несмотря на день, вывеска его горела и переливалась электрическим светом. Витрины не было.

В дверь никто не входил.

Пересилив себя, Зилов ушел, так и не рискуя зайти под электрические своды.

...в супермаркете он почувствовал тоску ребенка, который отбил от родителей. От обилия ярких упаковок болели глаза. Какой-то скуластый работник восточного вида ставил на полки пакеты с кофе.

Зилов (еле слышно). А где здесь колбаса?

Работник. Какая нужна?

Зилов. Вареная...

Работник неопределенно махнул рукой вдаль. Зилов пошел в указанном направлении и уперся в открытый холодильник.

Он присел на корточки, хватаясь за грудь, потому что защемило сердце. Колбасы было сортов тридцать или сорок...

Мимо ходили озабоченные люди, не замечая человека, сидевшего на корточках. У всех было слишком много дел.

В дверь позвонили. Алекс отпер, и в прихожую вкатилась тележка из супермаркета.

Позади нее стоял счастливый Зилов. Тележка доверху была набита целлофановыми пакетами с колбасой разных сортов и названий.

Зилов. От нашего стола вашему...

Алекс. Почему так много?

Зилов. Про запас.

Алекс. А тележку зачем увел?

Зилов. Я думал, так надо... Меня никто не останавливал.

Алекс. Я забыл тебе сказать... Мы не едим колбасу.

Зилов. Шутишь!

Алекс. Есть колбасу – дурной вкус...

Зилов (*мстительно*). Поместить бы тебя в социализм!.. Ты бы не так запел!

Алекс. Да я не про то... Ешь сам. Только не обжирайся...

По Русаковской улице неслась машина «скорой помощи», мигая предупредительными огнями, крикая и гудя.

Водители неохотно уступали ей место не оттого, что были жестокосердны, а просто деваться было некуда: вечерний трафик, тесно, смрадно и возможности маневра почти исключены...

Светя тревожной надписью «Реанимация», «скорая помощь» въехала во двор высотного дома.

Тело Зилова санитары положили на носилки. Врач приставила к лицу кислородную маску.

Врач. Карточка медицинского страхования у него есть?

Алекс. Только паспорт... Он не из Москвы. То есть из Москвы, но не отсюда...

Врач. Страховку привезете в больницу. (*Санитарам.*) Взяли и понесли.

Алекс. Есть ли надежда?

Врач. Похоже на сильное отравление... Пульс слабый. Сделаем все возможное.

Алекс (*вкладывая в ее карман денежную купюру*). Вы уж постарайтесь!

...яркий солнечный свет заливал больничный коридор. На длинной скамейке с синтетическим покрытием сидели Зилов и Алекс.

Зилов. ...из какого мяса ее делают?

Он был бледен, скулы покрывала щетина.

Алекс. Не из какого. Добавки, усилители вкуса и прочая приблуда.

Зилов (*обреченно*). Вы не выживете...

Алекс. Клопа танками не раздавишь. И потом, у нас есть безопасная колбаса. Только стоит она в два раза дороже.

Зилов. Безопасная колбаса... Это как безопасный секс? Так у вас говорят?

Алекс. Именно. Без удовольствия, но и без последствий. Никогда не бери дешевый товар. Как Владимир Ильич писал? Лучше меньше, да лучше.

Зилов. Спасибо.

Алекс. За что?

Зилов. За то, что навсегда отучил меня от колбасы... *(После паузы.)*

А на Ленина посмотреть можно?

Алекс *(не понимая)*. Чего?

Зилов *(страстно)*. На Ильича? В мавзолее? Я что-то по нему сильно заскучал!

Алекс *(решительно)*. Только без меня.

Они возвращались после больницы к себе, на Русаковскую улицу. Проходя мимо магазина «Интимный мир», Зилов сбавил шаг.

Зилов. У меня просьба... Мне нужно побывать здесь...

Алекс. Ну и побывай.

Зилов. Одному мне совестно.

Алекс. Там ничего интересного нет. Одна резина и чулки.

Зилов. Тем более!

Алекс *(напоминая)*. Я уже взрослый.

Зилов. А я?

Алекс. Знаешь, мне нужно спешить на службу...

Зилов *(решившись)*. Я быстро!

Взобрался на крыльцо, открыл тяжелую дверь и скрылся в магазине.

Алекс закурил.

Через минуту «Интимный мир» затрясло. Из магазинчика послышались какой-то грохот и звук принципиальной борьбы.

На крыльцо выскочил Зилов. Майка на нем была порвана, из разбитого носа капала кровь.

Зилов. Подонок... Чем он торгует?!

Алекс. Ты чего наделал, отморозок?

Зилов. Да врезал как следует! Туда же могут дети прийти!

Алекс. Сейчас ментура подкатит! Сматываемся!

И они побежали со всех ног по улице.

Зилов. Нет... Ну ты видел?! Резиновых баб выставил, извращенец... И хочет, чтобы я их трахал!

Он был вне себя.

Алекс *(дипломатично)*. А ты не находишь, что это было бы гуманнее... По отношению к окружающим?

Зилов *(ошарашенно)*. Чего?

Алекс. А того... Резина твоей подлости не чувствует. Не то что живой человек.

Зилов *(с угрозой)*. Я сейчас все разнесу!

Алекс. А я тебя депортирую! Обрато в твой розовый социализм! Он втокнул Зилова в комнату и, прикрыв дверь, запер ее на ключ.

Зилов. Открой, сволочь!

И дорогая дубовая дверь сотряслась от тяжелых ударов ногами.

Маша. Может, дать ему еще колбасы? Чтобы успокоился.

Алекс (размышляя). Интересно, можно ли поместить чувака в дурдом насильно?

Маша пожала плечами.

Маша. Если он у нас задержится, то помещать нужно будет тебя. Вместе со мной.

Специалист по тату открыл кожаный саквояж, вытащил оттуда металлические инструменты, похожие на орудия пыток. Разложил их на белоснежной простыне. Маша лежала перед ним, прикрытая легким одеялом. Голым был только ее круглый зад.

Алекс. ...а Сталина изобразить можете?

Специалист. Я не работаю в стиле соц-арта. У меня только ар нуво...

Он был похож на престарелого мушкетера. Длинные седые волосы опускались на плечи, усы и борода клинышком выдавали в нем истинного француза.

Специалист. Мой учитель из Калифорнии делал пирсинг самой Бритни Спирс. Она попросила сделать красную звезду.

Алекс. На каком месте?

Специалист. Этого я открыть не могу... Что это у вас стучат? Ремонт? Он имел в виду шум из соседней комнаты, в которой был заперт Зилов.

Алекс. Репетиция «Палаты № 6». Инсценировка по мотивам Чехова.

Специалист по тату промокнул тампон специальным раствором и начал смазывать ягодицы Машки.

Алекс вышел в коридор и тихо приблизился к закрытой комнате.

Алекс. Товарищ Зилов... Вам нужна татуировка «серп и молот»?

Зилов (из-за двери). Я домой хочу.

Алекс. Тебе осталось самое интересное. Сделаем, и убирайся на все четыре стороны!

Зилов. У меня вопрос... Ты на выборах голосуешь?

Алекс. Редко.

Зилов. А я всегда.

Алекс. У него спрашивают: «Ты почему молчишь?» А он отвечает: «Голос отдал...» Это по поводу выборов.

Зилов. Ты – антигосударственное лицо.

Алекс. А ты – бытовой разложенец. Мы похожи.

Он возвратился в гостиную. Задумчиво поглядел на то, как работает татуировщик-мушкетер. Его инструмент выводил на ягодице Машки Минуткиной графическое изображение священного звука Оум.

Алекс. Как же вас угораздило вляпаться в такое дерьмо?

Специалист. В смысле?

Алекс. Ну... Одна задница, другая, третья... Ведь для этого нужно иметь железные нервы.

Специалист. Я художник. Для меня все это – кусок холста. А как вляпались вы?

Алекс. В смысле?

Специалист. Я использую вашу жену, а вы мне за это платите большие деньги.

Алекс. За удовольствие нужно платить. Я не вас имею в виду, а ее... Он говорил про жену.

Маша. Я тебе, Пролежнев, не жена и плачу сама.

Алекс. Феминизм живет и побеждает!

Мушкетер кивнул. Промокнул тампоном выведенный знак и полюбился им, придиричиво сощурился.

Алекс лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Маша ерзала, переворачиваясь то на один, то на другой бок.

Алекс. Ты когда утомитесь?

Маша. Кажется, у меня аллергия.

Алекс. Татуировщик попался лютей.

Маша. Это не от него. Это от священного знака Оум. Похоже, мы с ним несовместимы...

Алекс. Как-то глупо все...

Маша. Приведи с улицы еще десяток бомжей. Будет еще глупее.

Алекс. Зилов не бомж. Я бы все тебе рассказал, если б ты спросила...

Маша. И не подумаю. У тебя своя жизнь, у меня – своя.

Алекс. Класс! На работе сразу заметили мое отсутствие. Но ты даже ягодицей не повела!

Маша. Я целые дни бегаю по журналам, продавая фотки. А ночью валяюсь с ног... Ты что, не знаешь жизни фрилансера? У меня язык уже не ворочается!

Алекс. Кстати... Для кого ты сделала тату? Явно не для меня...

Маша Грин ничего не ответила.

Алекс (пытая). Кто он? Мужчина или девчонка?

Маша. Get back!

Алекс. Знаешь... Роди мне кого-нибудь!.. И можешь молчать всю оставшуюся жизнь.

Маша дернулась и, вытеснив Пролежнева с кровати, сбросила его на пол.

Алекс. I have enough! С меня хватит!..

Сгреб подушку в охапку и пошел в комнату к Зилову. Отпер дверь... Зилов храпел ничком на диване.

Пролежнев, натыкаясь на мебель, лег на пол, на синтетический ковер и укрылся пледом.

Зилов. ...выгнала?

Алекс. Сам ушел. Хочу тебе сказать... Я беру отпуск за свой счет, и мы мотаем в саванны. Как только сделаем тебе загранпаспорт... Ты когда-нибудь выезжал из страны?

Зилов. Естественно.

Алекс. И куда?

Зилов. В Болгарию...

ПАСПОРТИСТКА (изучая лежащий перед ней документ). Паспорт старого образца... Просрочен. Вы почему до сих пор его не поменяли?

Зилов в ужасе посмотрел на Алекса.

АЛЕКС. Он был в геологической партии за Полярным кругом. Знаете, как живут народы Севера? Из чума в чум переезжают и ничего не понимают. (Зилову.) Ты что искал на Севере?

Зилов. Смысл жизни.

АЛЕКС. А доказать можешь?

Зилов. Могу. Смысл жизни – в труде.

ПАСПОРТИСТКА. Но прописка-то московская!

АЛЕКС. А что... нужно обязательно терять прописку из-за того, что живешь в чуме? (Зилову.) Не холодно было?

Зилов. Я спал с собаками.

АЛЕКС. У американцев это называется three dog's night – трехсобачья ночь. 18+...

ПАСПОРТИСТКА. Придется платить штраф.

АЛЕКС. Хоть два!

Аэропорт Шереметьево-2. У рамки с металлоискателем собрался озабоченный люд. Все спешили к самолетам, времени не хватало, поэтому любая задержка воспринималась трагически.

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ. Следующий!

Под рамку вошел Зилов. Вид у него был растерянный, как у ребенка. Обернулся. Алекс, стоявший позади, показал ему большой палец, подбадривая... Раздался звонок, похожий на будильник.

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ (устало). Удалить из кармана все металлические предметы...

Зилов нашел в кармане брюк металлический рубль и положил на столик. Снова встал под рамку. На этот раз тревожный сигнал напомнил о школьной перемене.

Работник внутренней службы начал его обыскивать.

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ. Крест носите?

Зилов. В душе.

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ. Душа не звенит.

Зилов. А пустозвоны звенят!

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ. Подождите здесь. До выяснения.

АЛЕКС (напоминая). Мы на самолет опаздываем!

Зилов. Брось меня и спасай отряд. Я не выживу.

АЛЕКС. Раненых не бросают. Тем более в голову...

Он выложил на столик мобильный и два комплекта ключей – от дома и от машины. С легким сердцем вошел под планку... На этот раз звонок напомнил о втором пришествии.

РАБОТНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ. Крест носите?

АЛЕКС. По конституции разрешено.

Работник внутренней службы. Снимите.

Алекс. А я уже снял. Мне вылет важнее, чем конституция.

Возвратился к металлоискателю. Результат был тот же, как в часовой мастерской пополудни, когда одновременно бьют все исправные часы.

Работник внутренней службы (*очереди*). Здесь закрыто! Технический перерыв!

Из очереди раздались проклятия и нервные всхлипы. Люди начали рассредоточиваться и искать другие лазейки.

Работник внутренней службы (*женщине в форме*). Или металлоискатель гикнул... Или эти двое – андройды...

Он испытующе посмотрел на задержанных.

Алекс. Второе более вероятно...

За чисто вымытыми стеклами гудели реактивные моторы.

Зилов. Я забыл тебе сказать... Мне запрещено летать. Цыганка предсказала мне гибель в авиационной катастрофе.

Алекс. А мне предсказали, что я утону.

Зилов. Значит, ты спасешься при авиакатастрофе.

Алекс. А если самолет сядет на воду?

Им дали посадочные талоны, и они вошли в длинную кишку, ведущую на борт самолета.

Алекс пытался заснуть. Зилов сидел напряженный, вцепившись ему в запястье. За иллюминаторами была непроглядная ночь.

Зилов. По-моему, мы падаем!

Алекс (*сквозь дрему*). Это «Боинг» так летает... Сверху вниз.

Зилов. Мы не пролетим мимо Африки?

Алекс (*сквозь дрему*). Невозможно. Африку всегда легко узнать.

Зилов. Как?

Алекс. На рассвете. Если при восходе солнца лица остаются черными, значит, ты в Африке...

Кругом было много черных лиц. Солнце вставало из-за горизонта, но лица людей оставались черными. Это были зеваки. Они внимательно смотрели на то, как в вертолет Ми-6 садились трое – двое белых и один черный, который нес за белыми их поклажу: кожаные кофры с продовольствием и винтовками. Винт вертолета бешено вращался, машина тряслась от предвкушения полета.

Зилов замешкался, рассматривая зевак.

Зилов (*восхищенно*). Здесь женщины!

Алекс. Не советую. Африка – международный центр СПИДа.

Он потянул Зилова за рукав и почти насильно втолкнул его в вертолет.

Трап был убран, и красная надпись «Клим Ворошилов» на борту чудовища воспарила над головами аборигенов.

Машина ушла в желтое небо. Люди проводили ее с земли внимательно напряженными взглядами.

З и л о в . Ну и где бизоны?

Он сидел пристегнутым у открытого люка, горячий ветер бил в лицо и трепал волосы. Внизу была жидкая растительность и почва, лишенная влаги.

А л е к с (у проводника по-английски). Где бизоны?

Проводник что-то ответил на непонятном языке.

П и л о т (по-русски). Он не говорит по-английски.

З и л о в . Зря мы сели в этот вертолет.

А л е к с (теряя терпение). Мы же на бизонов охотимся, а не на баб!..
(Пилоту.) Спроси у него, где бизоны.

Пилот задал вопрос на языке ошивамбо, и проводник ему ответил.

П и л о т . Он говорит, что бизонов здесь отродясь не было. Были африканские буйволы.

А л е к с . Да мне все равно. Любая корова для меня бизон.

П и л о т . Но и буйволов давно нет. Всех перестреляли.

З и л о в (с интересом). А утки здесь есть?

А л е к с (в сердцах). Только газетные.

Черный проводник, тревожно прислушиваясь к русской речи, опять что-то сказал на родном языке.

П и л о т (по-русски). Он говорит, что ничего нет. Всех перебили белые туристы.

А л е к с (печально). Это и называется – черный расизм. Сами все сожрали, а на нас сваливают!

Вертолет летел над безжизненной пустыней.

З и л о в . Я жрать хочу!

А л е к с (услужливо). Может быть, колбаски? Из здешнего супермаркета?

З и л о в . Кто сказал, что при социализме дефицит? Это здесь, в Африке, дефицит! Даже уток нет!

А л е к с . Успокойся! (Он открыл картонный ящик и вытащил оттуда бутылку пива «Вымпел».) Пиво легкое, отличное. Наша последняя разработка. Налетай.

Он сорвал крышку и протянул бутылку пилоту.

П и л о т . Мне нельзя. Я за баранкой.

Проводник потянулся за пивом, но Пролежнев ударил его по рукам.

А л е к с . Пока дичи не будет, ничего не получишь, расист!

На это проводник показал на что-то пальцем. Алекс поглядел вниз. Под ними было стадо антилоп.

Предчувствуя возможную смерть, животные разбегались кто куда...

А л е к с (истошно Зилону). Мочи!

З и л о в . Помешался? Стрелять в оленей?

А л е к с . Идиот! Это всего лишь ходячее барбекю! (Пилоту.) Ниже, ниже!.. (Схватился за винтовку и сделал пару прицельных выстрелов. На третий Зилов толкнул его и сбил явное попадание в цель.) Я тебя сейчас пристрелю!

З и л о в . Нельзя охотиться через оптический прицел!

Алекс. А на баб охотиться можно? Через оптический прицел?!
(Пилоту.) Ниже, я тебе говорю!

Зилов. Я так развлекаться отказываюсь!

Он отстегнулся, бросил винтовку на пол и хотел пройти в глубь вертолета. В это время пилот завалил машину на правый бок, пытаясь снизиться, и Зилов выпал в открытый люк.

Алекс. Шандец! Человек за бортом!

Пилот. Без него легче!

Алекс. Ты что, охренел? Это мой друг из братской страны социализма!

Пилот. Из Вьетнама, что ли?

Животные к тому времени разбежались. Вертолет, сделав полукруг, тяжело сел, а точнее, шмякнулся на желтоватый грунт. С борта посыпались нераспечатанные бутылки пива «Вымпел». Вместе с ними из машины выкатился и Алекс.

Алекс (истошно). Зилов!.. Зилов!

Тишина была ему ответом. Солнце заваливалось за горизонт, холодало.

Алекс (с отчаянием). Зилов, черт тебя дерит!

Где-то завывли шакалы.

Алекс (почти плача). Вернись, я все прошу!

В это время черный проводник сказал что-то пилоту.

Пилот (переводя). Он говорит, что теперь охота пойдет... Зилов был вольтом.

Алекс. Под напряжением, что ли?!

Пилот. Пристанищем злого духа. Потому животные и пугались.
(Поясняя.) Вольт... Это культ вуду. Или вроде того...

Алекс. Переведи ему... Как только они извели белый расизм, так в Африке настал бардак. Ни бизонов, ни уток... Одни вольты.

Пилот. Чего переводить? Он понимает по-русски. Только дурака валяет...

Алекс (удивленно). Как это?

Проводник (улыбаясь, по-русски). Хорошо сказал... Хорошо!

Зубы его были огромными, белыми.

...Лучи двух карманных фонариков осветили ложе любви, а точнее, циновку на земляном полу. На ней возлежала роскошная негритянка двухметрового роста. Рядом с ней притулился маленький Зилов, уткнувшись носом в ее плечо. Оба спали со счастливыми детскими улыбками.

Алекс удовлетворенно кивнул проводнику. Растолкал спящего друга и бросил ему штаны.

Невеста проснулась и возбужденно заговорила о чем-то, жестикулируя.

Алекс. Он женат, девушка!

Зилов. Я вернусь... Я обязательно вернусь! Жди меня!

Алекс. Уходим!

Он насильно вытолкнул Зилова из хижины и защелкнул на его запястьях наручники. На всякий случай.

Залаяли собаки. Народ пробудился и вышел на улицу.

Оставленная негритянка плакала. При свете факелов крестьяне видели, как один белый человек тащит другого белого человека к открытому джипу.

З и л о в *(садясь в машину)*. А счастье было так близко!..

А л е к с . Близок локоток, да не укусишь!

Шофер включил зажигание, и джип на дикой скорости, прыгая, как антилопа, помчался по пыльной дороге.

А л е к с . Ты молодец... Хоть и упал с вертолета, но честь страны не уронил.

З и л о в *(страстно)*. Я хочу от нее детей!

А л е к с . Маленьких черных Зиловых? *(Самому себе.)* Охота определенно удалась!

В магазине duty-free Алекс взвесил на руке леопардовую шкуру и вопросительно посмотрел на друга. Тот утвердительно кивнул.

А л е к с *(продавцу)*. Пакуй.

З и л о в . Только у нее глаза стеклянные. Могут не поверить.

А л е к с . Скажу, что остекленели от горя. Леопарду ведь тоже жить хочется... правда?

З и л о ва ведь ты не знаешь, как я люблю свою Гальку!

Алекс сидел в кресле с черной повязкой на глазах и пытался заснуть.

З и л о в *(с любовью)*. Половиночка... Лялечка моя!

А л е к с *(вяло)*. А чего же тогда спишь с кем попало?

З и л о в . Неразделенная любовь требует выхода. Она же не верит в мои чувства, вот я и изменяю.

А л е к с . Может, не надо изменять? Тогда бы жена и поверила... Ты не находишь?

Зилов пожал плечами и глубоко задумался.

Под крылом «Боинга» проплывали яркие огни мировых городов...

Они ввалились в московские апартаменты пыльные, загорелые и абсолютно счастливые. Бросили к ногам Маши, которая вышла в прихожую, леопардовую шкуру.

А л е к с . Тебе. Рискаю жизнью... Саванна шутить не любит.

Машка с сомнением пощупала ворс, провела по нему пальцами...

М а ш а . Синтетика. Дерьмо.

А л е к с . У леопардов так модно. В этом сезоне.

М а ш а *(загадочно)*. А у меня на кухне небольшой surprise...

А л е к с . Полиция?

М а ш а . Хуже.

А л е к с . Значит, сантехник!

Маша Грин не пояснила свою мысль. Зеленые глаза ее горели безумным торжеством. Она даже подтолкнула Зилова коленкою под зад, указывая ему направление движения.

Зилов вошел на кухню...

З и л о в . Кранты!

За столом сидела... Галя! Его верная жена. Подруга жизни. Половиночка, лялечка и т.д.

Зилов с ужасом поглядел на Машу. Потом на Галю, потом – на Алекса.

З и л о в . Ты чего... Откуда?!

Г а л я (*строго*). Садитесь, Зилов!

Она пододвинула ему стул, и неверный муж сел на него, как на скамейку подсудимых.

Г а л я . Вы почему так себя ведете?!

Тон ее был решительным и даже агрессивным. В домашнем ситцевом платице она выглядела уютно. По-домашнему пила чай из блюдца, закусывая дешевыми сушками. Ее красноватые пятки выпирали из тапочек, большой палец прорвал материю на носке, и было видно, что пальцы без педикюра.

Г а л я . Почему вы не несете им великую русскую культуру?

Она имела в виду хозяев квартиры.

З и л о в (*опомнившись*). Потому что надорвался. Устал нести.

Г а л я . Они из районной библиотеки выбрасывают Лескова! Великого писателя, мастера языка! Я проходила мимо и подобрала... Вот!

Она кивнула на стоящую в углу кухни стопку пыльных книг, перевязанных шпагатом.

М а ш а . Я же вам говорила, женщина... Им негде хранить Маринину и Донцову. Вот они и избавились от Лескова!

Г а л я . Не знаю я вашей Марининой!

М а ш а . И я не знаю. Но Маринину читают, а Лескова нет!

Г а л я . Я самосожжение совершу, если у вас не читают Лескова! (*Зилову.*) Ты будешь со мною в этот смертный час, Виктор?

З и л о в . Буду. Спичку зажгу и поднесу...

А л е к с . Я сейчас тронусь! Откуда она взялась?! (*Он был близок к помешательству. Вытянул из кухни жену в коридор. Шепотом.*) Столоверчение? Вызывание мертвых?

М а ш а . Ни хрена. Позвонила в дверь, я и открыла.

А л е к с . С Лесковым?!

М а ш а . Ну да. Стоит, как сирота. В руках книги. Вид потерянный, жалкий...

А л е к с . Ее нужно гнать отсюда поганой метлой! (*Взяв себя в руки, решительно возвратился на кухню.*) Вам здесь нельзя, товарищ учительница! Уходите, откуда пришли!..

З и л о в (*начиная оправляться от шока*). Не смей так разговаривать с моей женой!

Г а л я . Я уйду, но только с ним!

Она показала на супруга пальцем.

М а ш а . И с Лесковым.

Г а л я (*соглашаясь*). И с этим... (*Она потрогала руками свой округлившийся живот.*) Уходим квартетом. Пора в социализм, Витя! Пора!

Алекс и Маша не спали. Они лежали на полу на поддельной леопардовой шкуре. Маша курила, стряхивая пепел в раскрытую пасть африканской кошки.

Алекс (*пораженный какой-то мыслью*). Блин! Shit! (*Он сел на шкуре, уставившись в темноту.*) Деревня Хронки!.. На реке Малая Хронка... Три метра в ширину.

Маша. Ты про Африку?

Алекс. Я про загробную жизнь. Ударяешься головой о берег и попадаешь с того света на этот. Или наоборот.

Маша. А как она наш адрес нашла?

Алекс. В самом деле, как?

Он не смог ответить на этот вопрос.

Маша. А я сделала went out из Elle... Точнее, мне сделали.

Алекс (*с тревогой*). И что теперь?

Маша. Теперь я буду писать книжки для детей. За это, говорят, платят...

Алекс. Напиши лучше, как Маня Минуткина превратилась в Машу Грин.

Маша. Не поймут.

Алекс. Зато это будет правда... (*После паузы.*) Знаешь, в чем наша ошибка?

Маша промолчала.

Алекс. В том, что за любой мусор мы требуем больших денег.

Маша. А если не требовать, то все мы превратимся в Галю Зилову.

Она затушила окурок о грудь Алекса.

Муж поднялся с синтетической шкуры и пошел на кухню.

На кухне сидел Зилов в черных трусах и майке. Он пил чай.

Алекс. Опять ты в этом совковом прикиде... Позор.

Зилов. В чем бы ни был, а все равно дурак.

Алекс (*с подозрением*). Это ты про меня?

Зилов. Про всех нас. Галька зовет назад. Она на четвертом месяце.

Алекс. Уматывай.

Зилов. Мне как-то не по себе...

Алекс. Но ты же хотел! Тебе все здесь претит.

Зилов. Хотел, когда ты не пускал. А сейчас... мне жалко все это терять.

Алекс (*издеваясь*). Секс-шопы, химическую колбасу...

Зилов. Если ее съесть немного, то ничего не заметишь.

На кухню вошла Галя. В ночнушке, близоруко щурясь, потому что не надела очки... Она была уютна и симпатична.

Галя. Опять ссоритесь, мальчишки?

Зилов. Не ссоримся. Просто мы несчастны.

Галя (*взглянув на голого Алекса, который прикрыл причинное место салфеткой*). Что это вы во всем белом?

Алекс. Прозрачная пижама. Из Китая.

Галя. Красиво живете... (*Подумав.*) Но все-таки у нас лучше.

А лекс. Не думаю. Один дефицит и Лесков.

Галя. Зато душевнее...

А лекс. Но он-то несчастлив!

И показал пальцем на Зилова.

Галя. А вы?

А лекс (смирясь). И я.

Галя. Просто вы оба никого не любите. И ни к чему не привязаны. Поэтому для вас что тот свет, что этот... Всё развалите. А потом будете плакать про то, что потеряли...

А лекс (решив не спорить). Кино заканчивается. Вам нужно собираться домой!

При нежных сумерках, когда ночь нехотя уступает место радостному дню, из московского двора выехал «Фольксваген Туарег» с прикрепленным к нему прицепом. На прицепе покоился советский мотоцикл «Урал».

В салоне внедорожника сидели четверо – Алекс, Маша, Зилов и его законная жена Галя.

Алекс, зевая, вывел машину на широкий проспект и поехал в сторону области с явным превышением скорости.

Час был ранний, машин было немного, и их никто не останавливал.

Миновав мост, «Фольксваген Туарег» встал на берегу мелкой мутной речонки.

Алекс вместе с Зиловым стащили с прицепа мотоцикл.

Зилов начал терзать педаль ногой, пытаясь завести «Урал», но байк не подавал признаков жизни.

Речка по-утреннему дымилась, хоть и была маленькой.

Галя (держа в руках тома Лескова, Маше). Вы зря с нами не хотите. У нас хорошо.

Маша. А что я буду делать... у вас?

Галя. Будете швеей в ателье или на швейной фабрике. А то медсестрой в больнице, если окончите фельдшерские курсы.

Маша (уходя от ответа). Швея... Медсестра... Нужно подумать.

В это время «Урал» захрипел, завыл, как раненый зверь. Из глушителя вырвался адский пламень с дымом.

Алекс. Держи... На память. Вещь у вас бесполезная, но здесь престижная...

Он отдал Зилову айфон Apple.

Зилов. А как же ты?

Алекс. У меня таких три...

Галя (уважительно). Красивая коробочка... Это мыльница такая?

Алекс. Она без мыла.

Галя. А нам даже нечего дарить... (Она порылась в платье и вытащила оттуда маленький бумажный сверток величиной с детский кулачок.) Не поминайте лихом... Прощайте!

Алекс. Царствие вам Небесное!

З и л о в . И вам того же!

Вместе с Галей он сел на мотоцикл. Отъехал от берега, разогнал машину и помчался к речушке на дикой скорости. Галя держалась за его спину, пригнув голову.

Колеса мотоцикла оторвались от земли... Пролетев примерно до половины Малой Хронки, байк исчез в утреннем тумане.

Алекс некоторое время ждал продолжения, но ничего не услышал – ни падения тел в воду, ни стонов и ругани людей.

М а ш а . Отмучились?

Пролежнев пожал плечами. Развернул бумажный сверточек. В нем лежала одинокая конфета «Мишка на Севере» московской фабрики «Красный Октябрь». Алекс распаковал ее, положил в рот и начал сосредоточенно жевать.

М а ш а . Ну и?..

А л е к с (*нехотя*). Шоколад настоящий... Зачем такое расточительство? Я бы не клал.

Он посмотрел на бумажку, в которую была завернута конфета. Узнал почерк Зилова...

Это была записка жене, которую оставил Виктор перед своим отъездом из социализма: «Ищи меня по адресу: улица Русаковская, дом 31, кв. 240».

Через несколько лет. Коттедж на Новой Риге

Д и з а й н е рпол дубовый, тростниковый?

М а ш а . Нет.

Д и з а й н е р . Пробковый?

М а ш а (*с ужасом*). Чего?!

Д и з а й н е р . Пробковое дерево. У нас растет лишь в Московском ботаническом саду...

М а ш а . Там и срубили?

Д и з а й н е р (*сухо*). Импорт.

М а ш а . Ее! Давайте пробку.

А л е к с (*решительно*). Она шутит! Есть у вас ламинат?

Д и з а й н е р (*поскучнев*). Это слишком просто...

А л е к с . Его и давайте... Под вишню. С подогревом.

В гостиной были пока лишь потолок и стены. Дверной проем без самой двери вел на улицу. Там был теплый свет лета, бабочка капустница беззаботно кружилась в солнечных лучах.

Внезапно с подоконника раздалась мелодия из фильма «Москва слезам не верит» в исполнении Никитиных: «Александра, Александра, этот город наш с тобою...»

Это звонил айфон Пролежнева.

Алекс нажал на кнопку...

И чуть не свалился в обморок. Перед ним на экране было лицо Зилова!

З и л о в (*в айфоне*). Лёха, Лёха?!

А л е к с . Нечистый, изыди!

З и л о в . Лёха! Лёха!

Алекс. Я!.. Это я! Витя... ты где?!

Зилов. У себя. В прошлом. Где ж мне еще быть?

Алекс. А как ты догадался? Как освоил аппарат?

Зилов *(с гордостью)*. Я все же инженер-технолог... А твой номер был вбит в память.

Алекс. Ну как там у вас?! Рассказывай!

Он увидел, как к Зилову подошла Галя и обняла мужа за плечи.

Галя. Теперь у нас все замечательно!..

Зилов. Галька родила... Мальчишка. Назвали Лёхой. В честь тебя.

Алекс. Только не отправляйте Лёху на «Электрокабель»!

Галя. Он будет ученый-гуманитарий.

Алекс. Это еще хуже.

Маша *(с подозрением)*. Вы к нам не собираетесь?

Она стояла за спиной Пролежнева в ожидании самого худшего.

Зилов. Пока нет времени. У нас теперь очень интересно.

Галя *(воркуя)*. У нас теперь ускорение, демократизация и гласность.

Алекс *(ошарашенно)*. Чего?!

Зилов *(поясняя)*. Человеческий фактор. «Прожектор перестройки»... Слышал про такую передачу?

Алекс. Вы тронулись! Какой, к черту, человеческий фактор?! Какой прожектор?!

Зилов. Ты что... Против демократизации?

Алекс *(решительно)*. Против! Вы не выживете.

Зилов. У нас выбирают делегатов на Съезд Советов. Я...

Здесь изображение вздохнуло, исказилось, как в кривом зеркале... И хлопнулось навсегда.

Алекс *(со стоном)*. У них аккумулятор издох! *(Он потыкал кнопки своего айфона, но аппарат не отреагировал и связь с Зиловыми потерял... Кажется, навсегда.)* Ребятам крышка!

Маша. И черт с ними!

Алекс. Ты чего?! Это мои лучшие друзья!.. Они же как дети... Чего они будут делать в новой жизни? *(Он начал суетиться, дергаться... Энергия, питаемая худшими подозрениями, распирала Пролежнева изнутри.)* Их обманут! Разведут, как лохов... Их надо предупредить!

Маша. О чем?

Алекс. О том, чтоб не совались... И притушили бы этот прожектор... пока он не притушил их!

Спотыкаясь и чиркая кроссовками о бетон, выбежал на улицу.

Дизайнер *(недовольно)*. Так что насчет пола?.. Ламинат или пробка?

Маша *(размышляя)*. А гроб у вас есть? Пробковый?

Дизайнер. Сделаем. Но зачем?

Маша. Я, кажется, сегодня стану вдовой...

Автоматическая дверь гаража поползла вверх открываясь. Из гаража на дикой скорости выскочил новенький «Харлей Дэвидсон». За рулем сидел Алекс.

Мотоцикл встал дыбом, как бешеный конь. Свалился с заднего колеса на переднее. Алекс вжался в сиденье, пригнув голову к рулю. Помчался, как торнадо, по коттеджному поселку и выкатил на шоссе...

...врубил музыку. Из одной колонки несея Led Zeppelin, из другой пела Надежда Бабкина.

Словно всадник из Апокалипсиса, Пролежнев мчался вперед, и легковые машины рассыпались перед ними, подобно бильярдным шарам...

Впереди был мост. Рядом с ним виднелась знакомая табличка «р. Малая Хронка».

Алекс не стал репетировать свой переход из одного пространства в другое, потому что очень спешил. Тем более что в новом мотоцикле он был вполне уверен.

Дал полный газ.

Скакнул с одного берега на другой...

Байк до берега не дотянул. Только чиркнул колесом о глину и провалился вниз.

Никакого перехода в иной мир Пролежнев не почувствовал.

А услышал другое – как хрустнули шейные позвонки... Не чужие, собственные.

Это ощущение было новым. Но, к сожалению, не нашлось времени, чтобы его осмыслить и посмаковать...

У берега Малой Хронки стояли полицейский «уазик» и машина «скорой помощи». Толпа зевак у предупредительной ленты глазела на то, что происходит внизу.

Двое санитаров положили на носилки тело без головы. Укрыли его кожаной курткой с надписью «Dead to ride. Ride to dead».

Голову погибшего пристроили сбоку и накрыли рукавом куртки.

И н с п е к т о р Г И Б Д Д (безнадежно). Ну что за народ? Ни чужой жизни не жалко, ни собственной!

В р а ч - р е а н и м а т о р. А мотоцикл-то хороший!

И н с п е к т о р Г И Б Д Д. Бьются только на хороших. На советском бы остался цел...

Врач хотел что-то возразить, но промолчал.

Тело Алекса запихнули в машину «скорой помощи». Медбрат случайно взглянул на лицо покойного, которое существовало отдельно от тела.

Оно улыбалось. ♦